

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра политологии

Марчик
Артём Олегович

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Дипломная работа

Научный руководитель:
кандидат политических наук,
доцент Е.М. Ильина

Допущена к защите

«__» _____ 20__ г.

Зав. кафедрой политологии

доктор политических наук, профессор Н.А. Антанович

Минск, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

РЕФЕРАТ	3
РЭФЕРАТ	4
SUMMARY	5
ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА	9
1.1 Постмодернистские концепции и методология анализа политики	9
1.2 Социально-политические предпосылки формирования концепции символической политики	23
1.3 Модели символической политики	32
ГЛАВА 2 СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК МЕХАНИЗМ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА	39
2.1 Политический миф и ритуал в структуре современной символической политики	39
2.2 Политика памяти как элемент символической политики	46
2.3 Символическая политика в Республике Беларусь на современном этапе	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	63
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	66

РЕФЕРАТ

Объем работы: 72 страницы, 76 использованных источника.

Ключевые слова: ПОСТМОДЕРН, ПОСТМОДЕРНИЗМ, СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ, ПОЛИТИКА ПАМЯТИ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

Объект исследования: символическая политика.

Предмет исследования: символическая политика в эпоху постмодерна.

Цель работы: выявить особенности символической политики в эпоху постмодерна.

Методология исследования: обобщение, классификация, контент-анализ, дискурс-анализ, системный, компаративный, аналитический методы, политико-правовой анализ.

Научная новизна работы: в дипломной работе впервые предпринята попытка выявить особенности символической политики в эпоху постмодерна с учетом белорусских политико-правовых реалий. В результате проведенного исследования раскрыты ключевые постмодернистские концепции и методология анализа политики, проанализированы социально-политические предпосылки формирования концепции символической политики, выделены основные модели символической политики, политический миф и ритуал рассмотрены в структуре современной символической политики, политика памяти определена как элемент символической политики, всесторонне исследована символическая политика в Республике Беларусь на современном этапе и разработаны рекомендации по ее совершенствованию.

Практическая значимость дипломной работы заключается в возможности использования полученных результатов и выводов в научном обеспечении правотворческой и организационно-управленческой деятельности в сфере исторической политики и политики памяти.

Теоретическая значимость данной работы состоит в дополнении имеющихся в политической науке разработок по вопросам символической политики в эпоху постмодерна и расширении исследовательских возможностей дальнейшего научного обоснования изучаемой проблемы.

Дипломная работа является самостоятельно выполненным исследованием.

РЭФЕРАТ

Аб'ём працы: 72 старонкі, 76 выкарыстаных крыніцы.

Ключавыя словы: ПОСТМАДЭРНІЗМ, ПОСТМАДЭРНІЗМ, СІМВАЛІЧНАЯ ПАЛІТЫКА, ПАЛІТЫЧНАЯ ІДЭНТЫЧНАСЦЬ, ПАЛІТЫЧНЫ МІФ, ПАЛІТЫКА ПАМЯЦІ, ГІСТАРЫЧНАЯ ПАЛІТЫКА.

Аб'ект даследавання: сімвалічная палітыка.

Прадмет даследавання: сімвалічная палітыка ў эпоху постмадэрну.

Мэта працы: выявіць асаблівасці сімвалічнай палітыкі ў эпоху постмадэрну.

Метадалогія даследавання: абагульненне, класіфікацыя, кантэнт-аналіз, дыскурс-аналіз, сістэмны, кампаратыўны, аналітычны метады, палітыка-прававой аналіз.

Навуковая навізна працы: У дыпломнай працы ўпершыню зроблена спроба выявіць асаблівасці сімвалічнай палітыкі ў эпоху постмадэрну з улікам беларускіх палітыка-прававых рэалій. У выніку праведзенага даследавання раскрыты ключавыя постмадэрнісцкія канцэпцыі і метадалогія аналізу палітыкі, прааналізаваны сацыяльна-палітычныя перадумовы фарміравання канцэпцыі сімвалічнай палітыкі, вылучаны асноўныя мадэлі сімвалічнай палітыкі, палітычны міф і рытуал разгледжаны ў структуры сучаснай сімвалічнай палітыкі, Палітыка памяці вызначана як элемент сімвалічнай палітыкі, усебакова даследавана сімвалічная палітыка ў Рэспубліцы Беларусь на сучасным этапе і распрацаваны рэкамендацыі па яе ўдасканаленні.

Практычная значнасць дыпломнай працы складаецца ў магчымасці выкарыстання атрыманых вынікаў і высноў у навуковым забеспячэнні праватворчай і арганізацыйна-кіраўніцкай дзейнасці ў сферы гістарычнай палітыкі і палітыкі памяці.

Тэарэтычная значнасць дадзенай працы складаецца ў дадатку наяўных у палітычнай навуцы распрацовак па пытаннях сімвалічнай палітыкі ў эпоху постмадэрну і пашырэнні даследчых магчымасцяў далейшага навуковага абгрунтавання вывучаемай праблемы.

Дыпломная праца з'яўляецца самастойна выкананым даследаваннем.

SUMMARY

Scope of work: 72 pages, 76 sources used.

Keywords: POSTMODERNISM, POSTMODERNISM, SYMBOLIC POLITICS, POLITICAL IDENTITY, POLITICAL MYTH, MEMORY POLITICS, HISTORICAL POLITICS.

Object of the research: symbolic politics.

Subject of the research: symbolic politics in the postmodern era.

The purpose of the work: to identify the features of symbolic politics in the Postmodern era.

Research methodology: generalization, classification, content analysis, discourse analysis, system, comparative, analytical methods, political and legal analysis.

Scientific novelty of the research: the thesis for the first time attempts to identify the features of symbolic politics in the postmodern era, taking into account the Belarusian political and legal realities. As a result of the research, the key postmodern concepts and methodology of policy analysis are revealed, the socio-political prerequisites for the formation of the concept of symbolic politics are analyzed, the main models of symbolic politics are highlighted, political myth and ritual are considered in the structure of modern symbolic politics, memory politics is defined as an element of symbolic politics, symbolic politics in the Republic of Belarus at the present stage is comprehensively investigated and developed recommendations for its improvement.

The practical significance of the thesis is the possibility of using the results and conclusions obtained in the scientific support of law-making and organizational and managerial activities in the field of historical policy and memory policy.

The theoretical significance of this work consists in supplementing the developments available in political science on symbolic politics in the postmodern era and expanding research opportunities for further scientific substantiation of the problem under study.

The thesis is an independently completed study.

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир находится в состоянии качественного перехода в новую эпоху. Исследователи определяют этот новый временной период, как постиндустриальный, цифровой или как эпоху постмодерна. Именно последний термин впитал в себя определение современной эры как, с одной стороны, технологически и экономически развитой, а с другой, социально раздробленной, аномичной эпохи в которой старые ценности уже отброшены, а новые ещё не появились.

Несомненно, эта проблематика затронула и политическую науку. Стали появляться новые теории, концепты, осмысляющие постмодерн и постмодернизм в политике. Справедливо это и для теорий, пытающихся осмыслить ценностно-символическое пространство современной эпохи. Именно концепт символической политики, который также находит свое проявление в политике памяти и исторической политике, призван объяснить, как и каким образом, на первый взгляд анахроничные явления, такие как мифы и ритуалы, не перестают оставаться одним из главных политических инструментов современной власти в эпоху постмодерна.

Актуальность темы дипломной работы, ее несомненная теоретическая и практическая значимость обусловлены тем, что в пространстве современных информационно-коммуникативных технологий вопрос нематериальных ценностей общества, таких как знания, символы, идеи, нарративы, приобретает стратегический характер для государства. Вызовы, которые несет в себе эпоха постмодерна, может подорвать социальное, культурное и политическое единство общества, его идейные основания, а отсутствие идеологических и символических ориентиров может обернуться дезорганизацией общества. Следовательно, анализ связи постмодерна, роли в нем ценностно-символического компонента, и символической политики, необходим для обнаружения новых тенденций в этой области и своевременного реагирования на них.

В послании белорусскому народу и Национальному собранию 31 марта 2023 года Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко отметил, что тема исторической памяти себя не исчерпала: «в определенной мере Год мира и созидания должен стать продолжением основной идеи Года исторической памяти. Потому что мир на земле немыслим без исторической памяти, а созидание – это преемственность исторического пути, это шаг в будущее» [1].

Решением республиканского референдума 27 февраля 2022 года от 4 марта 2022 года в Основной Закон Республики Беларусь были внесены изменения и дополнения, направленные на сохранение исторической правды и памяти о Великой Отечественной войне и героическом подвиге белорусского

народа [2, ст. 15, 54]. Согласно вынесенному на общественное обсуждение проекту новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, защита исторической памяти является одним из стратегических национальных интересов нашей страны [3].

Отечественная и зарубежная науки в последние годы уделяет пристальное внимание различным аспектам символической политики в эпоху постмодерна. Существенный вклад в разработку данной темы внесли западные мыслители: А. Ассман, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, И. Гофман, Ф. Джемисон, М. Фуко, Я.М. Эдельман и др. Ряд аспектов данной проблематики получил отражение в трудах и выступлениях таких белорусских и российских ученых и аналитиков, как: А.С. Бакун, Д.В. Белявцева, О.В. Богомаз, В.Ф. Гигин, В.В. Данилович, А.Г. Кохановский, Г.Г. Краско, В.Л. Лакиза, О.Ю. Малинова, И.А. Марзалюк, А.И. Миллер, А.Н. Никитин, Т.А. Пранник, С.П. Поцелуев, С.В. Решетников, Д.Г. Смирнов, О.Н. Солдатова, и др.

Правовую основу дипломной работы составили Конституция Республики Беларусь, Закон «О государственных символах Республики Беларусь», указы и распоряжения Президента «Об объявлении 2022 года Годом исторической памяти», «О Республиканском совете по исторической политике при Администрации Президента Республики Беларусь», постановление Совета Безопасности «О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь», постановления Совета Министров «О Государственной программе “Увековечение памяти о погибших при защите Отечества” на 2021–2025 годы», «О Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы» и др.

Несмотря на большой объем публикаций по теме дипломной работы остается широкий спектр проблем, требующих дополнительных исследовательских усилий именно с позиций политологии.

Хронологические рамки исследования: в данной дипломной работе эпоха постмодерна охватывает временные рамки со второй половины XX века по настоящее время.

Объектом исследования является символическая политика;

Предметом исследования – символическая политика в эпоху постмодерна.

Цель дипломной работы – выявить особенности символической политики в эпоху постмодерна.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач:**

– раскрыть постмодернистские концепции и методологию анализа политики;

– проанализировать социально-политические предпосылки формирования концепции символической политики;

- выделить основные модели символической политики;
- рассмотреть политический миф и ритуал в структуре современной символической политики;
- определить политику памяти как элемент символической политики;
- исследовать символическую политику в Республике Беларусь на современном этапе и разработать рекомендации по ее совершенствованию.

Методы исследования: обобщение, классификация, контент-анализ, дискурс-анализ, системный, компаративный, аналитический методы, политико-правовой анализ.

Опубликованность результатов исследования: результаты исследования опубликованы в материалах Международной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2022» (Минск, 10-11 ноября 2022 г.) [4].

Структура и объем дипломной работы. Структурно работа состоит из введения, двух глав, шести разделов, заключения, списка использованных источников (76 наименований). Объем дипломной работы, включая два рисунка, список использованных источников, – 72 страницы.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

1.1 Постмодернистские концепции и методология анализа политики

Исторически понятие «постмодерн» возникло для обозначения современного исторического периода, открывающегося с преодолением предыдущей эпохи. Предыдущая эпоха, называемая исследователями эпохой модерна, началась с развитием капиталистических отношений и свершением промышленных революций в экономической сфере. В социальной и культурной сфере модерн был ознаменован торжеством идеалов эпохи Просвещения. Присущие модерну гуманизм, научная рациональность и вера в технический и социальный прогресс в культуре и обществе заставляли думать, что эта эпоха никогда не закончится. Но социальные и технические изменения, или говоря в терминах французского философа М. Фуко «эпистемологический разрыв», ознаменовали переход к новой эпохе, которая ставит под сомнение базовые ценности прошлого, считавшиеся незыблемыми.

Несмотря на то, что постмодернизм представляет собой одно из основных понятий современной социальной теории и философии, дать чёткую и однозначную дефиницию данному термину представляется крайне сложной задачей. В своей работе, российский исследователь постмодернизма А.В. Павлов отмечает: «повествовать о постмодерне не только не просто, но фактически невозможно... хаос дискурсивного пространства постмодерна, кажется, достиг критической точки... С того времени появилось множество книг, повествующих о состоянии постмодерна. Стоит ли говорить, что каждый автор подразумевает под термином что-то свое, а проблему раскрывает в том ключе, в котором считает нужным» [5, с. 64].

С этой цитатой нельзя не согласиться. Анализируя концепции постмодерна разных авторов, можно обнаружить, что они могут противоречить друг другу. Более того, по мнению кандидата философских наук Е.В. Пилюгиной, «при выяснении семантических референций понятий «постмодерн» и «постмодернизм» складывается амбивалентное представление: термины часто трактуются как тождественные и взаимозаменяемые, но используются для описания разных сегментов социума. В границах русской речи термин «постмодерн» фиксирует, как правило, определенные социальные (экономические, технологические, политические, этнические, гендерные) признаки; постмодернизмом обозначают некоторые явления в культуре

(искусстве, литературе, философии) или современный этап развития культуры в целом. В европейских языках чаще употребляется одна из принятых форм: postmodernism в англо-американской традиции, la postmoderne во французской культуре, postmoderne в немецкой» [6, с. 2-3].

В связи с этим, для того чтобы разобраться в теоретико-концептуальных основаниях постмодернизма следует обратить внимание на генезис данного термина и проследить его генеологию.

Впервые термин postmodernismo употребил писатель испанского происхождения Ф. де Онис в 30-х годах XX века. В первую очередь Онис рассматривал постмодернизм не как исторический период, а как направление в литературном искусстве, противостоящее модернизму в литературе и поэзии. Соответственно и под модернизмом писатель понимала не историческую эпоху, а направление в искусстве [7, с. 16].

Линия Ф. де Ониса не дала продолжения исследованию постмодерна и около 30 лет термин активно не употреблялся. Только с 1960-х годов постмодерн стал обозначать сразу несколько направлений и подходов в области искусства, социальной теории и философии.

Историк философии Д. Уэст выделяет четыре *направления постмодернизма*, обращаясь к генеологии каждого из них [8, с. 279].

Во-первых, это исторический и социологический контекст применения термина «постмодернизм». В качестве примера Уэст приводит имена английского историка А. Тойнби и американского социолога Ч. Райта Миллза.

Тойнби был первым, кто употребил понятие «постмодерн» к исторической эпохе. В своей работе «Постижения истории», опубликованной в 1934 году Тойнби доказывал, что успех Западной цивилизации в 19 веке был продиктован с одной стороны нарастающими темпами индустриализации, а с другой – завершением формированием наций и национальных государств. Продолжая линию своих рассуждений, Тойнби приходит к выводу, что два этих направления к концу 19 века стали противоречить друг другу. Индустриальный капитализм, который стремится к преодолению национальных границ, и национализм, стремившийся «окуклиться» в пределах национальных государств должны были столкнуться, что и произошло, по мнению Тойнби, с началом Франко-прусской войны. Именно этот конфликт, как считал английский историк, ознаменовал начало эпохи постмодерна. Эпохи, в которой, по выражению самого историка, человек находится в состоянии беспокойства, беспомощности и иррациональности [7, с. 23].

К концу 1950-х годов термины постмодернизм и постмодерн появляются в лексиконе американских социологов. В первую очередь данные термины стал использовать социолог Ч. Райт Миллс. По словам английского исследователя П. Андерсона: «Миллс в весьма язвительном ключе использовал этот термин

для обозначения эпохи, в которой модернистские идеалы либерализма и социализма практически уже разрушены, а разум и свобода сочетаются со слепой пассивностью и пустым конформизмом» [7, с. 23].

В дальнейшем ряд авторов вслед за Тойнби увязывали концепцию постмодерна с трансформацией экономических отношений. Однако связали они эту трансформацию не с событиями конца XIX века, а с экономическими и технологическими преобразованиями второй половины XX века. Опираясь на идеи о постиндустриальном и цифровом обществе социологов Э. Тоффлера, Д. Белла, на идеи электронного общества и «глобальной деревне» культуролога М. Маклюэна, такие английские социологи как З. Баумен, Дж. Урри, Э. Гидденс выстраивали своё видение эпохи Постмодерна. Общими характеристиками эпохи для данных авторов были переход к специализированному производству, фрагментированная структура общества, повышение роли постматериальных ценностей, конструирование идентичностей на основании индивидуального выбора, уменьшение социальной роли государства [9, с. 27].

Во-вторых, постмодернизм как течение в искусстве второй половины XX века, противопоставляющее себя искусству «высокого модернизма».

Именно культурологи и искусствоведы были вторыми, кто вслед за Тойнби и Миллсом вернули термины «постмодернизм» и «постмодерн» в исследовательский обиход. В этом контексте к 1960–70-м годам ряд исследователей литературы и архитектуры, таких как Ч. Дженкс, Л. Мейер, И. Хассан, понимали данный феномен как новаторское течение в искусстве, характеризующееся архитектурными и литературскими экспериментами, черпавшее свое вдохновение в новом понимании пространства и стиля.

Литературный критик египетского происхождения И. Хассан интегрировал понятие «Постмодернизм» в искусствоведческий лексикон, объединив тем самым исследовательские наработки в области литературы, живописи и архитектуры.

В-третьих, контекст задает исследования постмодернизма как структуралистской и постструктуралистской философии.

Новой вехой становления гуманитарного знания в XX веке стало формирование такого течения как структурализм. Основатель данного исследовательского направления, швейцарский лингвист Ф. де Соссюр, заложил первый постулат структурализма, который выражается в разделении любого языкового знака на означаемое (объект реального мира) и означающее (знак, символ, выраженный в речи). Столь тривиальное, на первый взгляд, утверждение скрывает под собой новацию в лингвистике XX века. Ранее эти две категории представлялись лингвистам нераздельным целым. Соссюр напротив считал, что означающее выступает выражением означаемого не в силу врожденной связи между ними, а по причине того, что знак является

частью языковой системы, что позволяет вписать определяемое явление (означаемое) в более широкий языковой контекст [10, с. 43]. Эта языковая система представляет собой объективное явление, которое не только не зависит от индивидуального сознания, но и, напротив, детерминирует восприятие реальности человеком.

Идеи швейцарского лингвиста получили широкое распространение отнюдь не только в лингвистике. Антропологи, социологи, культурологи также подхватили идею о существовании независимых от каждого конкретного индивида структур. В последующем французский антрополог К. Леви-Стросс определил «структуру» как систему элементов, при которой изменение в одной из структурных единиц влечет изменение, как в других структурных частях, так и в системе в целом [11, с. 25]. Структурализм проник во многие области гуманитарного знания, включая социальную и политическую теорию. К структурализму в разное время относились и такие авторы, как французский философ Л. Альтюссер, с проектом марксистского структурализма, и психоаналитик Ж. Лакан (структурный психоанализ), а также философы Р. Барт и М. Фуко. В отличие от гуманитарных исследований в парадигме классической науки, структуралисты ставят под сомнение автономность индивида в условиях, при которых социальная структура определяет его поведение. При этом у структуралистов сохраняется просвещенческая уверенность в возможности рационального и полного познания универсальных социальных структур [11, с. 34].

В последующем, авторы, которые основывались на структурализме, но при этом ставили под сомнение тезис о том, что структуры полностью и тотально определяют социальную жизнь, стали именоваться постструктуралистами. К их числу относят такие социальные теоретики и философы, как Ж. Делёз, Ж. Деррида, Ж. Бадрийяр, Ю. Кристева, М. Фуко и многие другие. В процессе заочной полемики со структуралистами данные авторы выводили свои концепции: вместо понимания структуры как централизованной системы предлагалось рассматривать её в качестве «ризомы» (структура с отсутствующим центром); классический структурный анализ текста отбрасывался, сам текст становился новой социальной реальностью. В дальнейшем именно этих авторов станут относить к апологетам постмодерна и постмодернизма. Помимо новых методологических предложений, творчество постструктуралистских исследователей было пропитано социальным критицизмом. Именно в критицизме это направление примыкает к четвертому контексту постмодернизма.

В-четвертых, несмотря на социальную подоплеку трансформаций постструктурализма, большинство ученых сконцентрировались на сугубо методологических и философских вопросах. Но были и те авторы, которые

через критику модерна и дальнейшее разочарование в марксизме, пришли к интерпретации нового исторического этапа, как эпохи постмодерна.

Потрясения, вызванные Второй мировой войной, Холокостом и тоталитаризмом, подтолкнули некоторых авторов к переоценке ценностей модерна. Так, британский социолог З. Бауман замечает, что каждый компонент, приведший к Холокосту, был порождением модерна [12, с. 210]. К таким компонентам он относит и роль рациональной бюрократии и роль заводского, промышленного производства, сделавшие возможным массовые уничтожения людей.

Наряду с этим, одним из объектов критики ряда французских философов, например, Ж. Бодрийера и Ж.-Ф. Лиотара, стал марксизм, как глобальный просвещенческий нарратив [8, с. 349].

Лиотар изложил свое оригинальное прочтение постмодерна в труде «Состояние постмодерна», опубликованном в Париже в 1979 году. Становление эпохи постмодерна для Лиотара было продиктовано с одной стороны экономическими предпосылками, а точнее формированием постиндустриального типа производства и возрастающей ролью информатизации, где знание становится товаром и ресурсом, а с другой трансформаций научного знания. Философ отмечает, что во второй половине XX века разработка теории хаоса, открытия в области квантовой физики и фрактальной геометрии обозначили переход к новой естественно-научной картине мира. В гуманитарной сфере переход к новой эпохе Лиотар связывал с исследованиями хаоса микросоциального уровня и инвариативностью языков описания общества, которые разрабатывались теоретиками синергетики и постструктуралистами, вследствие чего, по мнению французского философа, стало невозможно опираться на универсальные концепции описания социума [13, с.15].

Наблюдения Лиотара во многом совпадают с идеями немецкого социолога Никласа Лумана, который, рассматривая современное дифференцированное общество, заключил, что каждая социальная подсистема оперирует своим специфическим языком описания реальности, который не может быть переведён на язык другой подсистемы или интегрирован в универсальную картину мира, поэтому современное общество оказывается в ситуации радикального плюрализма дискурсов [14, с. 8].

Обращаясь к постмодернистскому анализу политики, стоит указать, что постмодернизм в социальной и культурной теории (т.н. умеренный постмодернизм) и «философия постмодернизма», действуют в двух разных дискурсах. На этом важно акцентировать внимание, так как рассматривать постмодернизм как единую систему интерпретации политической действительности, не представляется возможным. Соответственно, более

уместно будет разобрать каждый из регистров политического постмодернизма в отдельности и найти точки соприкосновения двух течений: философского постмодернизма и умеренного постмодернизма социально-культурной теории общества.

Философский постмодернизм наиболее радикально разрывает с классической политической теорией. В методологическом отношении он соотносится с радикальным конструктивизмом и постструктурализмом. В дополнение отметим, что переход к новому направлению был также ознаменован критикой структуралистской теории знака. Если классические структуралисты видели некоторую подчинённость знака объекту реального мира, то постструктуралисты стали рассматривать знаковую систему в полном её отрыве от реальных физических объектов. Индивиды, группы, классы, все они погружены в реальность, которая конструируется языком. «Реальное» за пределами «символического порядка», как отмечает Ж. Лакан, находится за пределами человеческого опыта и способно проявить себя лишь в «травматическом остатке» [15, с. 14].

Те политические теоретики, что восприняли эти тезисы всерьез, сместили свою исследовательскую оптику в сторону изучения политических дискурсов, теории политической коммуникации, символической политики. Вследствие этого постструктуралисты зачастую прибегают к лингвистическим метафорам при описании общества и политики, в частности. Мир как текст, или симуляция, или совокупность дискурсов – все это указывает на языковое конструирование реальности.

Представитель такого радикального течения постмодернизма, как Ж. Деррида представлял всю данную нам реальность, и общественные, и политические структуры в частности, как текст. Вслед за структуралистами, понимая социальную структуру через ее выраженность в языке, философ отождествляет реальность с текстом [16, с. 13]. Однако Деррида отрицает возможность универсального описания текстовой реальности ввиду полидискурсивности этого пространства. Иначе говоря, социальная реальность состоит из многих языков описания (религиозный язык, научный язык, язык власти), которые не могут быть сведены один к одному или описаны универсальной теорией. Следствием этого становится понимание «текстовой реальности» как «интертекста», то есть мира, сотканного из неисчислимого количества равноправных дискурсов, что созвучно с рассмотренными нами ранее теориями Н. Лумана и Ж.-Ф. Лиотара.

Политическое пространство в такой теории становится собранным из ряда дискурсивных практик. Для исследований циркуляции дискурсивных практик в политике используется *методология дискурс-анализа*. На данный момент существуют десятки школ, каждая из которых по-своему определяет

понятие дискурса. Существуют школы автоматического анализа дискурса (М. Пешё), критического дискурс-анализа (Т.В. Дейк, Р. Водак), школа критической лингвистики, социокультурный дискурс-анализ, теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф. В нашей работе разберем школу автоматического анализа дискурса, как исток исследований дискурсивных практик, и теорию дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф, как постмодернистский вариант теории дискурса.

Хронологически первым течением явилась школа автоматического анализа дискурса. Её основатель французский философ М. Пешё, заложил основные постулаты дискурс-анализа, ориентируясь на идеи Л. Альтюссера и М. Фуко. Первым постулат, который вывел М. Пешё, гласил, что смысл слов не образуется сам по себе. Напротив, смысл есть производное от дискурсивной практики, которая устанавливает единое понимание слов в сообществе, разделяющем этот дискурс. Второй постулат определил, что возможность говорить в рамках определённого дискурса детерминирована идеологической формацией, которая нацелена на сокрытие реального истока смысла. То есть условием воспроизводства дискурса является непонимание субъекта идеологических оснований своей речи [10, с. 41]. Таким образом, школа М. Пешо показывала что человек, кажущийся владельцем собственной речи, таковым не является. Однако для М. Пешо было важным соотнести тему дискурса с материальными основаниями социальной структуры, тем самым оставаясь в рамках структуралистской парадигмы.

Еще одной школой дискурс-анализа является теория дискурса аргентинского политолога Э. Лакло и бельгийского философа Ш. Муфф. Основными идейными вдохновителями для данных теоретиков стали постструктуралисты и теория гегемонии А. Грамши. От постструктуралистов данные теоретики наследовали восприятие дискурса как элемента, который формирует социальную реальность. В их понимании, «дискурсивный процесс интерпретируются в качестве принципиально незавершённого движения порождения значений, как обреченная на неудачу попытка превратить открытую область ускользающих элементов в закрытое пространство дискурса с устойчивыми, зафиксированными смыслами» [10, с. 42]. Такое определение предполагает, что в обществе постоянно идет процесс борьбы между разными дискурсами и нарративами за доминирование в социальном пространстве. Дискурс, что в теории смог навязать себя в процессе этой борьбы, воспринимается в качестве объективных условий социальной реальности, как само собой разумеющийся, что Э. Лакло и Ш. Муфф и называют «гегемонией».

Каждый дискурс имеет такое значение, которое является смыслообразующим. Данный комплекс идей исследователи называют «узловой точкой». Она является привилегированным знаком, вокруг которого свое значение приобретают другие знаки. К примеру, в разных политических

дискурсах узловыми точками являются понятия традиционных ценностей для консерватизма или социальное равенство для социализма. Однако устойчивость любой гегемонии временна. Борьба дискурсов может актуализироваться вновь, что запускает процессы по переопределению социального.

В контексте динамики дискурсивных процессов и их связи с властью более подробно писал французский философ М. Фуко.

На ранних этапах своего творчества Фуко анализировал то, как на протяжении истории разные формы дискурсов закреплялись в экономических, политических, социальных структурах общества. Как отмечает философ, каждый дискурс порождает свое представление об истине и в соответствии с ним пытается закрепиться в соответствующей социальной структуре [17, с. 12]. Отсюда в творчестве Фуко появляется связка знание-власть, обозначающая, что истина, представляемая как набор знаний о реальности, формирует представление о социальном мире определённым образом и через воспроизводства своих техник, пытается стать господствующим способом интерпретации действительности. Следовательно, дискурс, который стал доминировать в конкретном обществе, проецирует свое понимание реальности на социальные институты, а те в свою очередь диктуют это понимание индивидам. Власть упорядочивает, классифицирует и нормализует индивидов в соответствии со своей логикой.

Такое понимание власти сопротивляется любой персонификации, так как власть в таком понимании является не атрибутом групп людей, институтов, классов или партий. Отношения власти укоренены в самой социальной связи [18, с. 22]. «Анализ в терминах власти не должен постулировать в качестве изначальных данных суверенность государства, форму закона или глобальное единство господства... под властью с самого начала следует понимать множественность отношений силы, которые являются имманентными областям, где они осуществляются» [16, с. 26].

По причине «вездесущности» власти М. Фуко считает необходимым сместить исследовательскую перспективу с анализа политических институтов на анализ микрополитического уровня, или в его собственных терминах на «микрофизику власти».

Если властью пронизано все социальное пространство, то появляется вопрос: каким образом она осуществляется в обществе. На это российский исследователь постмодернизма А. Алексеев, отвечает следующим образом: «Осуществление власти есть, таким образом, особого типа действие – действие, направленное на действия. Посредством его индивиды или группы структурируют поле возможных действий друг друга. Вопрос о том, как осуществляется власть, есть, следовательно, вопрос о том, как люди осуществляют управление поведением друг друга» [12, с. 178]. Это цитата

подводит нас к одной из центральных идей Фуко. Власть осуществляется в отношении индивидов, которые не вписываются, сопротивляются доминирующему дискурсу, то есть создается диалектическая взаимосвязь власти и «контрвласти». Следовательно, существуют социальные зоны свободные от властного дискурса [18, с. 20].

Властный дискурс проникает в мельчайшие социальные практики и собственно в самого человека. Отсюда рождается тезис Фуко о «смерти субъекта». Человек больше не понимается как целостное самодостаточное существо, он порождается властным дискурсом, который определяет его поведение и мысли. Однако такой взгляд нужно рассматривать не как апологию антигуманности. Для французского философа появление целостной концепции человека связано с появлением гуманистического дискурса эпохи Возрождения, который тоже в определённый момент стал доминирующим. Такое понимание власти порывает с кротологическими концепциями выводящие сущность власти из угрозы применения насилия. М. Фуко предлагает отказаться от точки зрения, что власть есть насилие над объектом власти. Напротив, власть производит историю, реальность, субъектов.

На примере Европейской истории XVII-XIX века философ произвел периодизацию смен и трансформаций «техник власти». Власть в Средние века философ соотносит с логикой суверена. Суверенная власть соотносится с целью укрепления, упрочнения власти персонального суверена, в лице короля, князя или династии. Свою обоснованность такая власть находит в метафизических (божественных) принципах или в естественном законе. Это означает, что цель суверенитета заиклена на самой себе: она отсылает к самому осуществлению суверенитета. Благо есть подчинение закону, следовательно, благо, к которому стремится суверенитет, состоит в подчинении людей этому суверенитету [19, с. 119]. Данные воззрения на государства, по мнению Фуко, не отмирают со временем, а дополняются новыми «техниками власти».

Такой новой властной парадигмой стал, появившейся в XVII-XVIII веках, концепт *gouvernementalité* (англ. *governmentality*), который в русскоязычной литературе переводится как «правительственность» или «гувернаментальность». Данный термин впервые был использован М. Фуко в курсе лекций «Безопасность, территория, население» (1977–1978) [20, с. 321].

Под понятием «правительственность» М. Фуко понимал варьирующиеся от эпохи к эпохе и от культуры к культуре парадигмы управления. Они включают в себя совокупности практик, или техник, посредством которых люди или группы людей в данной культуре определенным образом направляют поведение друг друга и свое собственное, а также концептуализацию этих техник и практик в формах знания, предписаниях, рекомендациях в научной,

управленческой, моралистической, педагогической, духовной или иной литературе соответствующей эпохи [20, с. 324].

Исторически, появление новой парадигмы власти было связано с переходом от логики суверена, властвующего в первую очередь над территорией, к логике правительства, управляющего людьми и населением. Как отмечает последователь М. Фуко австралийский ученый М. Дин, «правительственность» это новая властная парадигма, направленная на население, устремленное к экономическому процветанию, здоровью и безопасности [21, с. 256]. Логика «правительственности» пытается покрыть все возможные сферы жизни: здравоохранение, экономику, политику, пенитенциарную систему и многое другое. Можно заключить, что разница между суверенной властью и «правительственностью» в таком случае заключается в целеполагании.

Способы, которые «правительственность» применяла для достижения вышеизложенных целей, также варьировались от эпохи к эпохе. В XVII-XVIII веках зарождались методы дисциплинарного контроля. Считалось, что через методы дисциплинарной власти, к которым относится надзор за гражданами, учет рабочего времени, соблюдения правил и норм, можно добиться максимизации эффективности, в первую очередь экономической. Особенно это заметно на примерах работы фабрик и армии в Новое время. Для отлаженной работы этих структур была необходима стандартизация индивидов. Вследствие чего, методами надзора и ведением формальных правил создавались, по выражению М. Фуко, послушные субъекты [19, с. 122]. Апогеем логики дисциплинарной власти стала разработанная английским философом И. Бентамом концепция тюрьмы «Паноптикума», в которой заключение не видят своего надзирателя и не могут знать, кто и в какой момент за ними наблюдает. Раз такой контроль вездесущ и не видим, то, заключает И. Бентам, узники будут всегда вести себя в соответствии с нормами и правилами. М. Фуко считал, что логика работы «Паноптикума» в дисциплинарном обществе приобретает всеобщий характер.

В середине XIX века, появляется ещё один вид власти – биовласть. Целью, которой является уже не послушание каждого отдельного индивида, а контроль над населением. Связано это с появлением науки статистики и дальнейшей оптимизацией управления. Надзор за каждым человеком стал представляться излишним и экономически нецелесообразным. Биовласть отказывается от избыточного управления людьми. К методам биовласти М. Фуко отнёс сбор статистики, глобальные измерения, прогнозирование процессов, которые могут принести ущерб. В первую очередь это касается процессов, связанных с рождаемостью, смертностью, старением населения и эпидемиями. То есть теперь власть преобразует не индивида, а те процессы,

которые воздействуют на индивида. Фуко называет такой тип управления регулятивным [19, с. 123]. Распространение властных механизмов на витальные стороны жизнедеятельности людей привел к формированию концепции биополитики, в рамках которой полем политического властвования над телом становится телесность в условиях актуализации таких вопросов, как глобальный кризис, вызванный эпидемиями, геновая инженерия, соматические права человека [4].

Относительно «правительственности» на современном этапе М. Дин отмечает, что властные отношения сегодня следует анализировать в поле отношений между двумя подвижными полюсами: экономико-управленческий полюс «правительственности» и юридически-институциональный полюс суверенитета. В своей недавней книге он назвал это поле колебаний «сигнатурой власти». Если мы пренебрегаем им или недооцениваем его значение в либеральных обществах, то рискуем скатиться в описание либерализма, через «либерализм» [21, с. 312].

«Правительственность», как логика оптимизации производства, рациональной бюрократии, максимизации прибыли выступает для Фуко не просто логическим выводом из данности окружающего нас мира социального, но является формой рационального дискурса, разворачивающегося на протяжении всего Нового времени и определяющего, наряду с логикой суверенитета, политику государства. Однако, как пишет Э. Лаклуа, память о дискурсивной природе некоторых практик со временем забывается, и то, что когда-то было сконструировано, воспринимается уже как объективная реальность. «Актуальный Постмодернизм как «состояние» политического знания и «ситуация» политического мышления связан именно с осмыслением и продуцированием политического как символического, когда в отсутствие универсальных научных критериев истины в политической картине мира находится место любому дискурсу» [22, с. 79].

Методология философского постмодернизма, как видно из примеров, применима как для анализа политики прошлого, так и настоящего. Авторы-постструктуралисты видели процесс конструирования общества и в частности политики в ее исторической динамике.

Любой политический дискурс или комплекс идей не существует сам по себе, он разворачивается в процессе коммуникации, соответственно, он неотделим от способа своей трансляции. Политические дискурсы прошлого могли транслироваться только путем устного пересказа идей, символических акций и с помощью письменной передачи через книги, газеты, своды законов и т.п. Таким образом, скорость распространения и широта охвата того или иного комплекса идей была ограничена обозначенными каналами коммуникации. Такой способ передачи информации был связан со становлением

пространственно-исторической перспективы, которую М. Маклюен назвал галактикой Гуттенберга.

По мнению французского философа Ж. Бодрийяра, появление новых средств коммуникации, в первую очередь цифровых, привело к трансформации современного общества. Скорость, с которой современные СМИ транслируют информацию, ознаменовала «знаковый взрыв». Вторя Бадрийяру, английский социолог Э. Гидденс назвал такую ситуацию ускользанием мира [23, с. 420]. Непрерывный поток трансляции знаков и символов привел к тому, что человек теперь не способен сформировать последовательное мировоззрение, свою рамку восприятия реальности, вместо этого, восприятие становится реактивным и дисперсным. Такое положение, по мнению философа, приводит к глобальной утрате смысла.

Идентичность и мировоззрение человека прошлого, было относительно целостно, и строилась вокруг бинарных оппозиций реальность-иллюзия, знак-означающие, идея-материя. М. Маклюэн считал, что причиной подобного целостного мировоззрения явилось письменность, отделившая мысль от действия. Человек прошлого – в первую очередь человек текстовой культуры. Напротив, человек Постмодерна погружен не в мир текста, а в пространство визуальных образов, которые транслируются телевидением и интернетом. Следствием этого явилось слипание реальности и симуляции, названное Бодрийяром «гипперреальностью» [23, с. 54].

Гипперреальность воздействует не только на индивида, но и на социальные структуры вообще, например на экономику. В экономическом секторе в эпоху постмодерна доминирует логика купли-продажи нематериальных объектов – социального статуса, моды, брендов. Идеалом такого общества становится человек-потребитель, готовый непрерывно потреблять реальные, символические товары и информацию.

В политике философ отмечает сходные процессы. Массы, некогда являющиеся, по мнению автора, двигателем исторического процесса, превратились в зрителей «политического спектакля». Они способны лишь потреблять политический продукт, который транслируется через СМИ. Мнение людей меняется со скоростью переключения телеканалов. «Народ оказался публикой» – заключает Бодрийяр [23, с. 25].

Некоторые авторы были не согласны с анализом общества Постмодерна, который предложил Ж. Бодрийяр. В его интерпретации современной эпохи находили в первую очередь оторванность от реальных изменений экономической системы и излишне критический настрой.

Второе течение в теории политического постмодернизма было призвано восполнить этот недостаток. Это направление связано с социально-культурной теорией общества, также его называют *умеренный постмодернизм* [9, с. 141].

В отличие от философов постструктуралистов, представители данного направления рассматривают становление Постмодерна в первую очередь как надстройку над постиндустриальным экономическим базисом. основополагающим теоретиком этого подхода можно считать американского исследователя-марксиста Ф. Джемесона.

Он полагает, что капитализм переживает сегодня свою «позднюю» фазу, продолжая оставаться доминирующей чертой современного мира, но он уже воспринял новую культурную логику – постмодернизм. Тем самым исследователь синтезирует классический марксистский подход и постмодернизм, в виде представления о постмодерне в качестве надстройки над базисом «позднего капитализма».

Более полно Ф. Джемесон выразил свои идеи в эссе «Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма» (1984), а также в книге под таким же названием, опубликованной в 1991 году [12, с. 321]. Там Джемесон выделил три стадии развития капитализма. Первые две, соответствуют классическим марксистским стадиям рыночного капитализма и империализма соответственно. Третья стадия – поздний капитализм – связан с мощной экспансией капитала в районы, в которых не было товарных отношений. Эта экспансия представляет собой «самую чистую» форму капитала, которая когда-либо появлялась. Ключом к пониманию «позднего капитализма», по Джемесону, является его мультинациональный характер и тот факт, что он колоссально расширил количество и разнообразие товаров на рынке [12, с. 345].

Из-за этого произошла мощная экспансия культуры, распространившаяся на всю сферу социальной жизни, – от экономических ценностей и государственной власти вплоть до структуры человеческой психики, которая также приобрела «культурный» характер. В этом отношении Джемисон соглашается с выводами Бадрийера – современная культура продуцирует колоссальное количество симулякров. А изменения в структуре человеческой идентичности, вызванные также экономико-культурными трансформациями, создают «шизофренического» субъекта. Ввиду наличия раздробленного характера представлений о политическом процессе у такого субъекта, говорить о возможности реального политического действия становится проблематично [24, с. 94].

Такое понимание эпохи и соответствующих ей процессов может показаться излишне футуристичным и вестернизированным. Ведь насколько мы можем заметить, описанные нами постмодернистские процессы проходят не во всех уголках мира с одинаковой скоростью. Постмодернистские теории призваны объяснить трансформации именно цифровых, постиндустриальных обществ. В таком случае процессы, происходящие за пределами западного мира, исключаются как не попадающие в поле теоретического анализа.

Вследствие этого обратимся к школе мир-системного анализа американского социолога И. Валлерстайна. Социолог представлял современный мир как систему глобальной мир-экономики, где существует экономически развитый центр и страны, относящиеся к сырьевой полпериферии и периферии соответственно. При этом страны центра не только экономически эксплуатируют страны периферии, но и навязывают свою культурную парадигму. Такую парадигму Валлерстайн назвал геокультурой. Каждое государственное образование обладает своим специфическим типом геокультуры, однако в процессе развития современных капиталистических отношений вместе с потоками капитала и технологий в страны периферии проникает и западный вариант геокультуры. «Геокультура развития», как современную западную геокультуру определяет Валлерстайн, транслирует идеи модернизации, логики оптимизации управления, по сути идеи разобранной нами «правительственности», на страны периферии [25, с. 208]. В придачу к этим идеям, идет весь корпус культурных паттернов обозначенного нами постмодерна. Однако, невозможность равномерного развития всех стран, вызывает в периферийных регионах недоверие и неприязнь к современным ценностям западной геокультуры [25, с. 210]. Это можно наблюдать, например, в связи с ростом исламского фундаментализма, который находит свою идентичность в противопоставлении себя как капиталистической системе, так и западным ценностям.

Пытаясь составить единую картину эпохи Постмодерна, следует отметить следующее: общество постмодерна характеризуется возрастанием роли информационных технологий и разрушением старых коллективных идентичностей, кризис системы метанарративов как комплекса идей, описывающих исторический процесс и дающих надежду на его позитивное завершение, например, идея окончательной эмансипации человека в марксизме или идея социальной солидарности в социологической теории Дюргейма. Роль науки изменяется, вместо универсальных принципов постулируется вариативность описания социальных процессов, модернистские идеалы эпохи Просвещения переосмысливаются. Выразителем этих идей становятся философы постмодернисты (М. Фуко, Ж. Делез, Ж.Ф. Лиотар и т.д.), но учитывая вариативность описания любого явления, соответственно и эпохи постмодерна тоже, остается возможность исследования данной эпохи в терминах классической социальной и культурной теории (А. Тойнби, Ч. Милс, З. Баумен и т.д.).

Проанализировав теоретические аспекты проявления постмодернизма в политике, можно дать свою дефиницию этому явлению. Являясь по своей природе смысловым конструктом, постмодернизм в политике изменяет форму политического сознания, то, как индивиды воспринимают данную им

политическую действительность. Таким образом, под постмодернизмом в политике мы будем понимать форму политического сознания, выраженная в форме гетерогенности, релятивизме и синкретизме такого сознания, и влияющая на систему управления, политическую культуру и другие функциональные части политической системы. Суть постмодернизма - это узнавание множественности и пересекающейся природы всех явлений, включая формы государственности и политической власти. Он подчеркивает значимость национальных, культурных и социальных различий и выступает за признание и уважение субъективности и множественности взглядов и практик.

Таким образом, генеалогия постмодернизма восходит к четырем основным направлениям в искусстве, философии и культурно-социальной теории, которые рассматривают постмодерн как эпоху и культурное, социальное отображение постиндустриальной трансформации экономики, где знания и информация становятся экономическим ресурсом, трансформирующим прежние социальные нормы и порядки.

С позиций политической науки постмодерн можно интерпретировать как форму политического сознания, выраженную в гетерогенности, релятивизме и синкретизме такого сознания, и влияющую на систему управления, политическую культуру и другие функциональные элементы политической системы. Постмодернистские концепции и методология анализа политики исходят из философии постмодернизма и умеренного постмодернизма в культурно-социальной теории, которые заключаются в интерпретации политики через дискурсивные практики (философский постмодернизм) и через трансформацию капиталистической системы (культурно-социальная теория). Данные подходы позволяют целостно рассмотреть феномен политического постмодернизма, затронув одновременно тему индивидуального политического сознания и саму структуру социально-политических отношений.

1.2 Социально-политические предпосылки формирования концепции символической политики

Символическая политика, как целенаправленная деятельность властных акторов, не является исключительно феноменом постмодерна. На протяжении всей истории человечества проблематика символизма затрагивала политические отношения. Те или иные символические инструменты служили цели легитимации власти и способствовали мобилизации населения. Ранее в таком ключе, изучением символического аспекта политики, занимались в рамках исследований политической культуры, антропологии и идеологии.

В 50-е годы XX века появился ряд авторов, обозначивших «конец идеологии». Данный феномен, такие ученые, как французский социолог Р. Арон, американские социологи С. Мартин Липсет, Д. Белл, Э. Шилз, связывали с кризисом больших радикальных идеологий – марксизма или национализма. По их мнению, технологическая модернизация, происходящая в середине XX века, приводит к политическим трансформациям, следствием которых является переход к технократическому сознанию, свободному от идеологических предубеждений прошлого [26, с. 9]. Такая позиция столкнулась с рядом трудностей, в первую очередь с реальной исторической перспективой. На смену концепции «конца идеологии», в 1970-е годы в социальные науки пришла тема «реидеологизации». Исследователям стало понятно, что технологическая модернизация не везде приводит к политическим трансформациям, а избавление от больших идеологий – к рациональному, технократическому мировоззрению.

В 1990-е годы наблюдалась вторая волна прогнозов о «конце идеологии» и установлении единого либерального порядка [27]. Связано это было в первую очередь с распадом СССР и окончанием холодной войны. Однако и эти прогнозы столкнулись с политическими реалиями XXI века. Глобальный терроризм, оспаривание гегемонии Западного проекта мироустройства и общее обострение политических конфликтов не позволяет говорить о «конце идеологии».

Другая позиция связана с тезисом об «исторической маргинализации идеологии», который высказывался рядом зарубежных авторов, таких как З. Бауман, Ж.Ф. Лиотар, и созвучен идеям постмодернистов: век больших нарративов прошел, но это не значит, что на месте идеологии появится новое технократическое сознание.

Указывая на ряд факторов, к которым можно отнести фрагментацию социальной структуры, рост влияния цифровых медиа, а также трансформацию публичного пространства, такие авторы, как З. Бауман, приходят к выводу, что идеология трансформируется, становится дисперсной и фрагментированной [27]. Современные идеологии используют не только смысловые нарративы, отображенные в доктринах, но и визуальные образы, апеллируя к чувствам, эмоциям. В русле этого подхода идеология понимается не как узконаправленная и четкая доктрина, а как любой комплекс идейно-символических форм, формирующий восприятие людей о социальной реальности. Соответственно, если идеология меняет свою форму, появляется необходимость в создании новой исследовательской области, способной ухватить изменяющуюся реальность.

В связи с этим в середине 1960-х годов появляются работы под общим названием «Symbols politics». Символическая политика как область

исследований политической реальности является относительно молодой дисциплиной, однако, количество теоретических работ, предложенных в рамках изучаемой области, позволяет говорить о социальном и методологическом запросе на интерпретацию роли символов и ритуалов в политике.

Важной вехой в процессе формирования проблемной зоны символической политики, стала произошедшая в XX веке семиотическая революция [28, с. 17]. Акцент на анализе языка, знаков и символов стал характерен для многих областей гуманитарного знания, что породило новые междисциплинарные области и исследовательские направления, такие как психолингвистика, структурализм, семиология, символический интеракционизм.

Первым, кто приступил к анализу и разработке концепции символической политики в рамках политологии, был американский ученый и исследователь М. Эдельман [28, с. 45]. Свои научные изыскания Эдельман изложил в книгах «Символическое использование политики» (1964) и «Политика как символическое действие» (1971). Концепция Эдельмана строилась на работах политических психологов (в частности, Г. Лассуэлла) и опиралась на социально-антропологические и психологические подходы к исследованию символических форм британского антрополога Б. Малиновского, а также на теорию информации А. Моля и теорию масс-медиа М. Маклюэна [29, с. 32].

Предметом анализа у М. Эдельмана выступает «символический аспект политики», «символические формы в политическом процессе» или «воздействие символических функций на поведение элит и масс». Эдельман пытался объяснить разрыв между теоретическими предположениями относительно функционирования политических институтов и тем, как они работают в действительности. Данный разрыв Эдельман объяснял двойственной структурой политического процесса: с одной стороны, существует массовое измерение политики, «зрительский спорт», а с другой – элитарное измерение, которое диктует свои правила и условия массам посредством символических практик (политических мифов и ритуалов) [30, с. 12].

Под мифом Эдельман понимал, к примеру, широко транслируемые представления о том, как работает правительство. Наиболее убедительными мифами Эдельман называет представления о рациональном характере голосования, о том, что выборы позволяют контролировать принятие властных решений, а также о механическом характере административного и судебного правоприменения. Ритуал, в свою очередь, он трактовал как моторную деятельность, которая символически включает участников в общее предприятие, концентрируя их внимание на общих связях и интересах,

например, избирательный процесс, в который вовлечены широкие слои населения [31, с. 231]. Причина, по которой массы подвержены влиянию политических мифов и ритуалов, лежит в природе социальной коммуникации. Здесь Эдельман ссылается на работы американского философа и представителя «символического интеракционизма» Дж. Г. Мида [30, с. 19]. Центральная идея данного направления лежит в понятии «значимого символа». Как считал Дж. Г. Мид, социальное действие и человеческая коммуникация возможны только посредством «значимых символов», которые предполагают определенную реакцию и определенную линию поведения в соответствии с этим символом.

Однако использование концепции Дж. Г. Мида не объясняет в полной мере на первый взгляд нерациональное поведение масс. Опираясь на работы американского антрополога Э. Сапира, Эдельман дифференцировал все «значимые символы» на символы, отсылающие к референту, и конденсирующие символы [31, с. 102]. Если символы, отсылающие к референту, способствуют рациональному и логическому объяснению реальности, то конденсирующие символы пробуждают в человеке эмоции, такие как, например, страх перед социальными изменениями или гордость за свою страну. Именно конденсирующие символы, утверждает Эдельман, в большинстве своём используются в реализации символической политики. Акцент на анализе политических ритуалов и мифов, считал политолог, позволяет сконцентрироваться на исследовании устойчивых политических институтов, а не на «параде новостей» [31, с. 123].

Эдельман делает вывод, что символическое измерение встроено в политическую систему и способствует её воспроизводству, по средствам принятия политического порядка и ролей массами [29, с. 43]. Именно благодаря политическим символам становятся возможными идентификация и стабильная идентичность в политике. Но также с помощью символических актов возможно манипулировать общественным мнением: не удовлетворять потребности и требования масс, а, наоборот, путем изменения общественных настроений, самим формировать требования и ожидания населения. Эдельман был убеждён, что действенность механизмов символической политики связана с распространением цифровых средств коммуникации, которые помогают разным заинтересованным группам представлять происходящие события в выгодном для себя ключе.

Вместе с тем фиксация Эдельмана на дихотомической структуре политики, где есть управляемые массы и элиты, использующие политические символы, ставит под сомнение классические плюралистические теории, которые предполагают вовлеченность широких слоев населения и групп в рациональный процесс принятия политических решений. Это в очередной раз указывает на разрыв с представителями концепции «конца идеологии», которые

полагали, что отсутствие явных идеологических конструкций приводит к рационализации политики.

С критикой эдельмановского подхода к определению символической политики выступил немецкий политолог А. Дёрнер. Немецкий исследователь критиковал подход М. Эдельмана за жесткое противопоставление «сцены» и «закулисья», реальности и иллюзии в политическом процессе [32, с. 45]. Однако такая позиция, как отмечает российский политолог С. П. Поцелуев, является упрощением стройной системы американского политолога.

Со своей оригинальной трактовкой символической политики выступил немецкий политолог У. Сарцинелли. В своих изысканиях он опирался на труды М. Эдельмана и понимал под «символической политикой» в широком смысле языковые действия, которые функционируют как политические «символы-конденсаты» [31, с. 98]. Эти символы Сарцинелли характеризует, прежде всего, по их коммуникативным функциям. В связи с этим ученый выделил вербальные символы, представляющие собой определённые концепты и идеи, и невербальные символы (гимны, флаги, процессии и другие ритуалы). Символы в политике, с одной стороны, призваны обеспечить человеку редуцированное понимание сложной социальной реальности, а с другой – выступают в качестве политического менеджмента, что иногда может использоваться как средство манипулирования общественным мнением, тем самым способствуя политической пассивности населения. Власть, в свою очередь, теперь понимается в нераздельной связи с каналами трансляции символов. То есть, по мнению немецкого политолога, происходит сращение СМИ и власти.

Именно тема амбивалентности символической политики и роли СМИ в политическом процессе сближает концепцию У. Сарцинелли с концепцией М. Эдельмана. Но в отличие от концепции Эдельмана, концентрирующей свое внимание на властных функциях политических символов, концепция Сарцинелли подчеркивает важность коммуникативно-изобразительной составляющей символической политики.

Альтернативную концепцию символической политики предложил ещё один немецкий политолог Т. Майер. По словам Майера, символическая политика в условиях современной демократии есть «символические действия в политических целях». Т. Майер развивает критическое, в духе марксистской «критики идеологии», направление исследований символической политики.

По словам С.П. Поцелуева, «такого рода действия немецкий политолог квалифицирует как «стратегическую форму политической коммуникации, нацеленную не на взаимопонимание, а на повиновение посредством обмана чувств», как «циничную форму коммуникативного управления посредством технического производства зрительной иллюзии»» [29, с. 32]. Иллюзорность связана здесь с тем, что символические политические действия указывают на

мнимые предметы, хотя внушают и подразумевают их существование. В этом смысле символическая политика представляет собой плацебо-политику, стратегическое производство пустой череды символов.

Помимо определённых символических действий, используемых для инсценировки политики, также прибегают к технике речевых высказываний, которая, по Майеру, сходна с понятием «пустое означающее», встречающимся в теориях Э. Лакло и Ж. Лакана. «Пустое означающее» подразумевает под собой слово или словосочетание, которое из-за перегруженности смыслами, в конечном счете, утрачивает сущность и начинает обозначать любое явление. Хорошим примером является слово «демократия». Колоссальное количество трактовок демократии размывает сам смысл данного термина, тем самым понятие становится просто выгодным политическим словом-лозунгом, которое могут использовать политические силы, по духу прямо противоположные демократии.

В отличие от Эдельмана и Сарцинелли, которые находили как положительные, так и отрицательные стороны символической политики, Майер трактует данную концепцию в негативном ключе как угрозу рациональной политической культуре. Основным субъектом символической политики, по мнению Майера, выступают властные элиты, которые с помощью образов и символов манипулируют общественным мнением в публичном пространстве. Он выделяет символическую политику «сверху» (субъектом является властные институты), «снизу» (субъектом выступает народ) и «сверху и снизу» одновременно.

На постсоветском пространстве первым, кто дал систематическую концептуализацию символической политики, был российский политолог С. П. Поцелуев. В конце 90-х годов XX века появились его первые работы, написанные под влиянием трудов Эдельмана и Майера. Поцелуев трактовал символическую политику в духе западных коллег, рассматривая исследуемую область как эрзац или суррогат политического действия [30, с. 55]. Он предложил классификацию и провел структурирование подходов к символической политике. Также он одним из первых обнаружил критическое допущение в подходе Майера, связанное с противопоставлением «реальной политики» и инсценированной символической политики. В качестве методологической новации Поцелуев предложил использовать методы, разработанные в рамках антропологии, семиотики и социологии, в частности фрейм-анализ, для компенсации методологической односторонности предыдущих подходов.

Как указывает С.П. Поцелуев, в концепциях Эдельмана, Сарцинелли и Майера символическая политика рассматривается как самостоятельная действительность, оторванная от реальных решений, своего рода

псевдополитическое измерение, за которым скрыты материальные основания политики. Указанные авторы отмечали, что символическое измерение присуще политической системе и необходимо для воспроизводства политического процесса с упором на анализе манипулятивной стороны использования визуальных образов и символов. В целом такое противопоставление символической и «реальной» политики характерно для исследований, затрагивающих тему медиатизации социального пространства. Однако данный подход не учитывает возможность символической политики не просто выступать инструментом сиюминутных политических целей, а напротив, быть важным фактором трансформации социальной реальности.

В Республике Беларусь одними из первых затронули тему символической политики доктор политических наук, профессор БГУ С. В. Решетников и кандидат политических наук Т.С. Решетникова, которые трактуют исследуемый феномен как особый род политической коммуникации, направленный на внушение устойчивых смыслов, а не на рациональное осмысление политического процесса. «Символическая политика – это не просто действие с применением символов, а действие, само выступающее как символ. Символические политики зачастую прямо соотносятся с моралью и могут проявляться в публичных массовых действиях. Символические политические акции используются для привлечения внимания к проблемам, которые не принимались во внимание официальными властями» [34, с. 10].

В противовес дуалистическому подходу можно выделить концепции символической политики, которые рассматривают данную область как естественную и неотъемлемую часть политического процесса. Данные идеи связаны с теорией социального конструирования реальности западных социологов П. Бергера и Т. Лукмана, которые рассматривали политическую систему как априори вписанную в символический универсум и указывали на то, что разделять политику на «реальную» и «ложную» символическую не имеет смысла [35, с. 143].

Подобным образом интерпретировал роль «символического» в политике французский социолог П. Бурдьё. В своих работах «О символической власти» и «Социология политики» он разрабатывал свой оригинальный взгляд на соотношение понятий власти и символа. Символическую власть Бурдьё понимал как «власть конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок: непосредственное мироощущение» [36, с. 49]. Цель символической политики французский социолог видел в борьбе за навязывание легитимного видения социального мира, следовательно, в таком ключе, акцент на манипуляционном потенциале является слишком узкой интерпретацией символической политики, которая в первую очередь осуществляется для производства и навязывания определённого образа социальной реальности.

Ряд российских политологов в трактовке символической политики также опираются на концепцию символической власти П. Бурдьё. Например, российский политолог О. Ю. Малинова трактует символическую политику как «деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение или навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [37, с. 101]. Такое определение символической политики позволяет снять «ограничения», связанные с противопоставлением реальности и симулятивности.

В рамках данного подхода, который условно можно обозначить конструктивистским, переосмысливается роль властных элит в процессе осуществления символической политики. Так, П. Бурдьё говорит – «идеология всегда детерминирована дважды» [37, с. 24], то есть идеология формируется определёнными группами, которые в свою очередь, сами находятся в поле влияния разных идей и смыслов. Подчеркивая этот момент, О.Ю. Малинова отмечает, что элиты в таком случае не являются исключительно рациональными субъектами, движимые корыстными мотивами, они сами «подчинены» логике тех идей и смыслов, в которых прибывают.

Символическая политика становится объектом исследований и для ученых, занимающихся дискурс-анализом. Именно анализ символической политики, наряду с изучением проблем легитимности и кросс-культурной коммуникации, ввел дискурсивный подход в число ведущих методов, применяемых в исследовании политической проблематики сегодня [30, с. 43].

Тема использования символов в ситуации доминирования, в том числе в политике, активно развивается в современных постмарксистских исследованиях. Такие социальные теоретики и философы как Алан Бадью, Славой Жижек, Эрнесто Лаклау, Шанталь Муфф подвергают ревизии марксистскую парадигму и сосредотачиваются на возможности радикального действия и прогрессивной трансформации в современных условиях [32, с. 17]. Стоит остановиться на вопросе имплементации данных теорий в политическом поле постмодерна. Как было отмечено в начале раздела, конструирование самой исследовательской области символической политики было продиктовано вызовами, с которыми столкнулась политическая наука на заре эпохи постсовременности.

Производство и установка способов интерпретации социальной реальности является видовой характеристикой символической политики вне зависимости от контекста эпохи. Метанарративы прошлого захватывают всё смысловое пространство в пределах государства и диктуют свой вариант интерпретации социальной реальности. Исследуя символическое пространство Э. Лакло и Ш. Муфф, основной характеристикой современной эпохи определили осознание временности любого метанарратива, любого

гегемонистского дискурса. Несмотря на то, что дискурс стремится к фиксации, центрированию, а значения всегда сохраняют некую текучесть, чёткая фиксация дискурса как «сущности» невозможна, более того, возникает тенденция к рассеиванию значений [32, 17]. В эпоху Постмодерна эти тенденции усиливаются благодаря цифровизации смыслового пространства и быстрого распространения информации в сети Интернет.

В целом в постмодернистских обществах становится сложным навязать единый способ интерпретации социальной реальности. Разные дискурсы и нарративы циркулируют в пространстве политической культуры и пытаются переопределить её на свой лад. В этом отношении интересна теория символической политики немецкого политического социолога А. Дёрнера. «Политическую культуру Дёрнер понимает, как «вторую семиотическую перспективу политики», семиотически выкристаллизовавшийся результат коммуникативных процессов и одновременно как нефальсифицируемые рамки для всякой попытки практиковать символическую политику. Со своей стороны, символическая политика в форме стабильных очевидностей может упрочиться в семиотических институциях и закрепиться в виде определенной политической культуры. Если эта долгосрочная перспектива вовлекается в стратегические расчеты, тогда можно говорить о конструировании политической культуры. По словам А. Дёрнера, затвердевшая до политического культа символическая политика образует основу для строительства соответствующей политической культуры» [29, с. 43].

Резюмируя идеи А. Дёрнера и Э. Лакло, Ш. Муфф, можно заключить, что символическая политика и политическая культура находятся в тесной взаимосвязи. Они влияют друг на друга, что влечет за собой процесс постоянного конструирования смыслов и образов, которые могут, как способствовать стабильности политической системы, так и быть причиной её дезорганизации.

Таким образом, основными социально-политическими предпосылками формирования символической политики являются процесс «маргинализации» идеологии, который мы связываем с наступлением эпохи Постмодерна, развитием цифровых средств коммуникации. В процессе концептуализации символической политики можно условно выделить два теоретически дифференцированных между собой подхода: представители первого подхода понимают символическую политику как самостоятельную действительность, оторванную от реальных решений, своего рода псевдополитическое измерение, за которым скрыты материальные основания политики; сторонники второго подхода рассматривают символическую политику как естественную и неотъемлемую часть политической реальности.

В данном исследовании под символической политикой будем понимать деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение или навязывание определенных способов интерпретации социально-политической реальности в качестве доминирующих.

1.3 Модели символической политики

Комплексность символической политики ставит вопрос о более глубокой теоретической дифференциации данного феномена. Помимо рассмотренных в разделе 1.2 подходов к осмыслению избранной исследовательской области, выделяют конкретные модели и формы символической политики. Как правило, общим понятием для различных моделей является концепт «инсценирования». Как было отмечено в предыдущем разделе, многими теоретиками символическая политика представляется как процесс постоянного «исполнения» или «инсценирования» «политического спектакля». Инсценирование понимается как функциональная (родовая) характеристика современных дискурсивных практик, уже немислимых без растущего потенциала конструирования реальности на электронной «сцене» современных медиа [29, с. 34]. Методологическая оптика теорий инсценировки политики направлена на анализ практик использующихся властными элитами для достижения своих целей путем не рационального убеждения, а суггестивным, внушающим образом.

Тема разыгрывания спектакля и инсценировки политических событий поднималась представителями постмодернистской философии. В частности, одним из первых, кто определил «инсценирование» в качестве отличительной черты эпохи Постмодерна был французский философ Г. Дебор. В своём труде «Общество спектакля», мыслитель доказывал, что в современную эпоху повсеместное отчуждение достигла всеобщего уровня. Благодаря развитию капиталистических отношений в XIX веке произошло отчуждение работника от производимого им труда. В середине XX века из-за роста электронных медиа и переходом капитализма на новую стадию развития, люди стали отчуждёнными не только от результатов своего труда, но также от потребляемых продуктов, других людей, от самой жизни. Это, по мнению философа, и порождает общество спектакля. Индивид больше не обладает теми или иными объектами, ему кажется, что он ими обладает, а масс-медиа укрепляют эту уверенность в реальности иллюзии [38, с. 34].

Также и в политике, дифференциация на управленцев и управляемых есть черта государства в любой исторический промежуток. Если ранее такое разделение обосновывалась сакральными принципами мироздания, то

современный спектакль создает иллюзию участия масс в политике. Такая инсценировка жизненно необходима, так как поддерживает уверенность людей в возможности влиять на политический курс.

Упомянутый нами ранее философ Ж. Бодрийяр пишет, что политический процесс за маской спектакля представляет собой массы, созерцающие через медиа инсценировку политического участия, и организованные группы, осознающие свою роль в воспроизводстве системы [23, с. 43]. Теории Бодрийяра и Дебора указывают на видимую целостность современного общества, за которой стоит система «спектакализации» социума. Во многом наработки философов совпадают с выводами ученых-политологов, таких как М. Эдельман, Т. Майер. Однако предложенная ими теоретическая база является скорее философским обобщением, что порождает некоторые трудности при попытке применить такие концепты к эмпирической реальности. Вследствие этого стоит обратить внимание на иные концепции инсценировки «политического спектакля».

С.П. Поцелуев, обращаясь к теоретическим работкам Т. Майера, М. Эделмана и И. Гофмана, выделил три объяснительных модели символической политики: театральную, драматологическую и перформансную. Подобное размежевание конкретных моделей призвано не только углубить понимание предмета, но и преодолеть методологическую односторонность концепций символической политики.

Театральная модель в теории символической политики – это не просто сравнение политики с театром и не просто метафора, освещающая отдельные аспекты этого явления. Речь идет о попытке подвести символическую политику под расширенный концепт театральности. Как отмечает российская исследовательница Р.Р. Тезетдинова, театральность – это не только концепт, циркулирующий в рамках теории искусства, но и социологическая категория, призванная объяснить поведение индивида в обществе. Человек, являясь не самодостаточным субъектом, пытается доконструировать свой образ путем демонстрации определённого поведения [39, с. 116]. Такая демонстративная игра является, по сути, проявлением театральности в повседневной жизни человека. Любая сторона социальной жизни общества пропитана такого рода инсценировкой, не исключением будет и политика. В рамках властных отношений театральность проявляется в виде игры и артистизма, через которые политические субъекты коммуницируют между собой и обществом.

Выстраивая театральную концепцию политики необходимо разработать понятийный аппарат, который интегрировал бы театральность как художественную модель и театральность как разновидность политической практики. Свою интегративную модель театральности предложили Т. Майер и Р. Онтруп. Общая идея театральности политологов состоит в «публично

выделенных, предъявленных, демонстративных действиях и в том, что эти действия выполняют символическую функцию» [29, с. 32]. Отталкиваясь от этой дефиниции, Т. Майер и М. Кампман определяют политическую театральность как «изобразительную деятельность, которая посредством активного тела или его медиатизированных образов стремится к достижению рассчитанных политических эффектов у публики» [29, с. 32]. Такое определение требует пояснения. Субъектом изобразительной деятельности является политический актер, который с помощью всех доступных средств, включая личный образ и имидж, вербальную и невербальную речь, пытается добиться политического результата.

Театральный дискурс призван вызвать у зрителя определенную реакцию (смех, слезы, раздумья и т.п.) и реализуется в тщательно рассчитанных эмоциональных ходах. В межличностных взаимоотношениях воспроизводство театрального дискурса может носить спонтанно-бессознательный характер. Зачастую человек не понимает, в какой момент общения он производит инсценированные своего поведения. В политике, по мнению Майера, инсценировка всегда носит осознанный характер и нацелена на достижение определённого результата.

Попытка осмыслить связь театральности и политики привела к формулированию нового теоретического понятия. «Политический театр» – эклектичный концепт и сложный феномен. По словам Р.Р. Тезетдиновой, «театральная модель представляет символическую политику как синтез театральной и собственно политической логик, пытаясь совмещать эмпирически сцену повседневного общения и политического бизнеса. Но в любом случае политическая театральность выступает частью организованного культурного пространства, в котором мы имеем дело не с объектами, а с их дефинициями, то есть с символами, и интерпретируем их в определенном языке посредством опять же символов» [39, с. 117].

Сцену политического театра нельзя рассматривать как единое гомогенное пространство, так как в процессе повседневного политического общения театральность проявляется на разных уровнях. Она не исчерпывается лишь игрой политических актеров на публику. В связи с этим потребовалась провести дифференциацию всех возможных пластов коммуникации в рамках концепции политического театра.

Выделяют следующие формы «политического театра»: сцена повседневного общения, на которой политики играют друг с другом и друг для друга в рутинном политическом бизнесе; сцена публичных выступлений политических деятелей (активистов) перед «живой» аудиторией в режиме общения лицом к лицу, но с учетом презентационных возможностей медиа; сцена публичного инсценирования политики перед масс-медийной аудиторией;

сцена сетевого политического инсценирования, предполагающего дифференцированную аудиторию и интерактивный режим общения [29, с. 33].

Драматологическая модель символической политики восходит к теории социальной интеракции американского социолога И. Гофмана и помогает расширить исследовательское пространство изучаемого феномена. Если театральная модель рассматривает социальное взаимодействие людей как инсценировку, за которым скрывается прагматическая цель, то в драматологическом подходе грань между игрой в социальные роли и реальной сущностью субъекта стирается.

Гофман полагал, что исполнение социальных ролей действительно не тождественно происходящим в психике индивида процессам. То есть социальные роли, которые примеряет и реализует человек в процессе своей жизни, не природная данность, а смысловые структуры. Но это не означает фальшивость такой конструкции, напротив, усваивание социальных ролей является фактором межличностной коммуникации. Постоянно меняя разные социальные роли, человек не замечает, в какой момент он переходит к другой ипостаси, и тот факт, что он вообще находится в некой «роли». «Инсценирование» в политике по Гофману также не всегда является осознанным выбором политического актора. Политик, как и обычный человек, вписан в определённые социальные рамки, которые могут даже не осознаваться субъектом. Эти социальные установки предписывают определённую модель поведения в той или иной ситуации. Человек реализует поведение посредством не только речи и статусного вида, но и всем телом. Движения, положения рук и ног, незначительные невербальные жесты, позволяет в процессе социального взаимодействия индефицировать собеседника как носителя той или иной социальной роли. Такое понимание соотношения политических акторов и социального пространства, в котором они прибывают несмотря на разные методологические основания, сближает теории Гофмана и Бурдьё.

Чтобы четче прояснить связь индивида с социальными рамками, необходимо обратиться к ключевому понятию теории Гофмана – к понятию «фрейм». Фрейм представляет собой процедурное знание – «знание как» или последовательность действий, описывающих либо креативный аспект предмета, либо его функциональный аспект [40, с. 65]. Как правило, фреймы не осознаются субъектом, и попытка их экспликации и уяснения приводит к дезорганизации восприятия.

Продолжая реконструировать теорию фреймов, Поцелуев дополняет, что первичные «фрейминги» с их модуляциями и обманами играют решающую роль в производстве повседневной театральности. Они существенно конкретизируют характерный для театральной модели концепт «роли» как типичного поведенческого образца. С драматологической точки зрения эти

образцы суть не только роли, но и «способы поведения, которые не просто проигрываются, а реализуются как определенные виды модуляции реальных процессов» [29, с. 52].

И. Гофман неоднократно подчеркивал недостаточность модели метафоры «театра» для описания драматургии повседневного общения лицом к лицу. В отличие от художественного театра, на «сцене» повседневности разыгрываются не вымышленные, а реальные события, и здесь играют не актеры в масках своих персонажей, а реальные люди с реальными интересами, к тому же в обычной жизни роль публики сливается с ролью актера [29, с. 52].

Как отмечает Поцелуев, несмотря на проработанную Гофманом теорию фреймов, в драматологической концепции символическая политика выступает в качестве осознанной рациональной деятельности политических акторов. Как и в театральной модели, символичный аспект политики выступает в качестве инструмента достижения прагматических целей. Вместе с тем символический акт, как габитуальный смысловой тип покоится «на приобретаемом индивидуально, но до этого всегда коллективно доступном имплицитном знании о том, что, когда, где и с кем можно или нельзя говорить или делать» [29, с. 43]. Драматологическая модель значительно проясняет модель взаимодействия субъектов символической политики. Такая модель не сводит действия политических акторов исключительно к корыстным мотивам, но и учитывает социальную фундированность применяемых ими ролей.

Перформансная модель символической политики рассматривает ее как серию «исполнений» перед различными публиками, за которыми, помимо художественно-эстетических моментов, скрываются властные мотивы. Концепция перформанса, предложенная американским театроведом и режиссером Р. Шехнером, призвана обобщить и включить в свою структуру политические ритуалы, театральность и фреймированное социальное взаимодействие [29, с. 23].

Понятие политического перформанса, по мнению С.П. Поцелуева, не сводит символическую политику к инсценировке определённых действий властвующими элитами. Перформанс в момент своего исполнения включает как «актеров» политического театра, так и его «зрителей». В таком подходе массы не воспринимаются как пассивные созерцатели, они активные участники сего процесса. Перформансная модель помогает лучше, чем отдельные концепты, такие как ритуал, театр, литургия, миф, понять современную медиализированную политическую эстетику, ее сильное влияние на политические процессы.

Благодаря перформансному подходу становится ясным, почему «обман» публики не является основной функцией символической политики. В случае художественного театра это само собой разумеется, ибо игровая подмена

идентичности здесь ясно маркирована. Но и в политическом перформансе «нельзя говорить о лжи, потому что здесь верят в действительность переживаемой реальности» [29, с. 23]. Такая игра в «реальность» не только помогает элитам легитимировать свое положение, но и создает долговременные политические идентичности.

Таким образом, выделяют три основные модели символической политики, объединённые концептом «инсценирования».

Краткие выводы по первой главе:

Генеалогия постмодернизма восходит к четырем основным направлениям в искусстве (И. Хасан, Ч. Дженкс, Л.Мейер), философии (Ж. Бодрийяр, Ф. Гваттари, Ж. Делёз, Ф. Джемисон) и культурно-социальной теории (З. Бауман, Э. Гидденс, А. Тойнби), которые рассматривают постмодерн как эпоху и культурное, социальное отображение постиндустриальной трансформации экономики, где знания и информация становятся экономическим ресурсом, трансформирующим прежние социальные нормы и порядки.

С позиций политической науки постмодерн можно интерпретировать как форму политического сознания, выраженную в гетерогенности, релятивизме и синкретизме такого сознания, и влияющую на систему управления, политическую культуру и другие функциональные элементы политической системы. Постмодернистские концепции и методология анализа политики исходят из философии постмодернизма и умеренного постмодернизма в культурно-социальной теории, которые заключаются в интерпретации политики через дискурсивные практики (философский постмодернизм) и через трансформацию капиталистической системы (культурно-социальная теория). Данные подходы позволяют целостно рассмотреть феномен политического постмодернизма, затронув одновременно тему индивидуального политического сознания и саму структуру социально-политических отношений.

Основными социально-политическими предпосылками формирования символической политики являются процесс «маргинализации» идеологии, который мы связываем с наступлением эпохи Постмодерна, развитием цифровых средств коммуникации. В процессе концептуализации символической политики можно условно выделить два теоретически дифференцированных между собой подхода: представители первого подхода (М. Эдельман, У. Сарцинелл, Т. Майер и С. Поцелуев) понимают символическую политику как самостоятельную действительность, оторванную от реальных решений, своего рода псевдополитическое измерение, за которым скрыты материальные основания политики; сторонники второго подхода (П. Бурдьё, О.Ю. Малинова) рассматривают символическую политику как естественную и неотъемлемую часть политической реальности.

В данном исследовании под *символической политикой* будем понимать деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение или навязывание определенных способов интерпретации социально-политической реальности в качестве доминирующих.

Выделяют три основные модели символической политики, объединённые концептом «инсценирования». В рамках *театральной модели* символическая политика рассматривается как синтез театральной и собственно политической логик, эмпирически совмещающий сцену повседневного общения и политического бизнеса. *Драматологическая модель* наследует отчасти понимание символической политики у театральной модели и трактует ее в качестве осознанной рациональной деятельности политических акторов. *Перформансная модель* пытается интегрировать все рассмотренные наработки через понятие перформанса, которое объединяет политическую театральность, фреймированность и политическую мифологию.

ГЛАВА 2

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК МЕХАНИЗМ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

2.1 Политический миф и ритуал в структуре современной символической политики

Из всего многообразия форм и видов символической политики мифы и ритуалы занимают особое место в рамках исследуемой области. Исторически, первыми формами символизации социальной реальности являлись именно эти два феномена. В эпоху становления первых государств миф стал важнейшим инструментом, из которого племенной вождь, а позже правители ранних государств, черпали свою власть и легитимность. Божественное начало в своей власти видели цари Вавилона [41, с. 12]. Мифологическое мышление жителей древней Месопотамии лишь укрепляло представление о божественности власти царя. Эти и многие другие явления архаичного мифотворчества хорошо изучены рядом социальных антропологов и философов: немецким философом Э. Кассирером, французским антропологом-структуралистом К. Леви-Строссом, советским и российским философам А. Лосевым.

Важным методологическим вопросом является восприятие мифа в контексте перехода к эпохе постмодерна. Необходимо определить, существуют ли принципиальные различия между мифом архаическим, воспринимаемым исследователями как феномен культуры, и современными политическими мифами, которые чаще всего трактуются как продукт политтехнологического творчества. Так по словам советского философа Ф. Х. Кессиди, миф – традиционная детерминанта мировоззренческой сферы общественной жизни, одно из глубинных оснований человеческой культуры [33, с. 76]. В таком подходе мифологическое сознание приписывается архаичным обществам.

Проводя демаркационную линию между традиционным обществом и обществом современным, может сложиться впечатление, что социум 20-21 века не подвержен мифологическим установкам. К примеру, Вебер подчеркивал именно рациональную составляющую современного индустриального общества. Если следовать такой логике, то современные политические мифы, не больше чем механизм манипуляции общественным мнением. Однако события 20 века (две мировые войны, геноциды, тоталитаризм) показали нам ошибочность этого утверждения. В моменты не только кризисов и войн актуализируется архаические пласты социального восприятия, но и в обыденное для общества время, миф и ритуал является необходимым элементом воспроизводства политической системы.

Альтернативу трактовке мифа как архаичной структуры, можно усмотреть у немецкого философа Л. Витгенштейна. Развивая введённое им понятие «картины мира», под которым понимается сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, философ делает упор на неисчерпаемости подобной мировоззренческой установки. Современный индивид двигается в политическом пространстве, ориентируясь на «картину мира», сотканную из мифических представлений [42, с. 123]. Соответственно, мифология является неотъемлемой частью современного общества.

Однако такое определение не дает полное понимание мифа, так как не проясняет его структуру и форму выражения. Одним из авторов, кто подробно развивал теорию мифа и мифотворчества, был французский философ и культуролог Р. Барт. Используя структуралистскую методологию, он определил миф как коммуникативную систему, используемую для обозначения вещей, процессов и явлений [43, с. 87]. Также философ называет миф «вторичной семиологической системой». Такое определение отображает сложную структуру мифа, представленную в виде знака первого порядка, который состоит из означающего (объект реального мира) и означаемого (его словесное выражение), и знака второго порядка, состоящего, в свою очередь, из первой обозначенной нами структуры и означаемого второго порядка.

Для раскрытия данного определения обратимся к примеру, который Р. Барт сам приводит в своем тексте «Миф сегодня». Есть некий журнал, где изображен чернокожий человек в форме французской армии, взгляд которого обращен на французский флаг. Соотношение изображённых объектов на обложке (означающего) и его выражение в текстовом или речевом предложении (означаемое) рождает понимание сообщения (это и есть знак первого порядка). Сам по себе знак первого порядка носит исключительно описательный характер. Ангажированный же читатель в таком изображении видит не просто комплекс объектов, а определённый смысл, посыл (означаемое второго порядка) [43, с. 89]. Так, консервативный читатель видит в этом изображении мощь французской колониальной империи, объединяющей под собой разные народы. Это представление и формирует сам миф. Миф, по Барту, помимо описывания реальности, носит предписывающий и нормативный характер

По отношению к объекту миф образует метаязык, способный описывать явления в определённом русле. Важной чертой мифа является то, что он скрывает свое искусственное происхождение – человек, находящийся под определённой мифологической установкой, воспринимает всё как непосредственную реальность.

Следовательно, миф – это не просто историческая форма сознания, это актуальная и естественная черта, присущая любой социальной группе, так как без такой формы коммуникации невозможно осуществить целеполагание или выстроить моральный компас. Поэтому помимо непосредственно властного регулирования мифы выполняют функции стабилизации и интеграции политического сообщества. В указанной перспективе мифологические аспекты символической политики рассматривает в своей работе «Символы и легитимация в советской политике» (2011) такой видный представитель антропологического направления, как австралийский профессор Г. Гилл, развивая понятие метанарратива.

Метанарратив по Гиллу – сложный символический комплекс, который стоит выше идеологии и образует «тело дискурса». Он представляет собой упрощенную форму идеологии и является средством коммуникации между режимом и его подданными. Метанарратив – основная форма культурной медиации между режимом и людьми» [33, с. 32]. Метанарратив и мифы, из которых он конституируется, выражаются через связанные друг с другом символы, такие как политический язык, визуальные образы, физическая среда (социальное пространство), ритуал. При изучении непосредственно символических политических феноменов данное понятие привлекается как альтернативный концепт политической культуры.

Концепция Г. Гилла демонстрирует два дискуссионных момента в представлениях о политическом мифе. Во-первых, это нарративная природа мифа. Как пишет сам Гилл, миф – это «разделяемый нарратив, придающий смысл» [33, с. 34], то есть миф, это система представлений, определяющая правильную интерпретацию событий прошлого, будущего и настоящего. При этом характерным симптомом современной эпохи, по мнению Р. Барта, является дискретность мифа. Он больше не выступает в виде большого нарратива, напротив, теперь он представляется как набор дискурсивных практик. Это симптоматично и для исследователей постмодернизма, постулирующих крах меттанарративов.

О.Ю. Малинова отмечает, что во многих исследованиях на тему символической политики, по причине дискретного характера современного мифа, понятия «дискурс», «идеология» и «миф» сливаются. Зачастую отделить одно от другого представляется трудной задачей. Идеология, как и миф, описывает социальную реальность через призму собственного комплекса идей и установок [37, с. 203]. Но в случае идеологии такое описание носит последовательный, систематический и рациональный характер, а в случае мифа – суггестивный, внушающий характер. Однако такая интерпретация натывается на трудность практического использования, так как в реальной обстановке чувственно-эмоциональная составляющая политической коммуникации

переплетается с рациональной аргументацией. Соответственно, отделить миф от идеологии, становится сложной задачей.

Исследования политического ритуала как элемента символической политики восходят к изучению данного феномена антропологами и социологами. Признанными классиками в изучении архаичных и современных ритуалов являются Э. Дюркгейм, Дж. Фрэзер, А. Ван Геннеп.

Современную трактовку ритуалу дал советский и российский социолог Ю. А. Левада. Ученый установил: «ритуал является сложной формой символического действия, используемой в культовых системах, а также в различных типах социального поведения как средство закрепления отношения субъекта (или группы) к священным объектам, особо значимым этапам общественной или человеческой жизни, а также статуса и принадлежности к определенной группе» [33, с. 54]. Если архаический ритуал апеллировал к некому священному объекту, то современный политический ритуал, утрачивая сакральную функцию, сохраняет психическую структуру феномена, отмечает социолог. Помимо психической структуры, политический ритуал унаследовал от своего религиозного предшественника два ключевых аспекта: 1) как и религиозное священнодействие, которое вырастает из доктрины определённой конфессии, современный ритуал основывается на определённом представлении о политике, то есть на мифе; 2) воспроизводство ритуала приводит к укреплению той картины мира, что его породила [44, с. 102]. Следовательно, основная цель ритуала, это поддержание социального порядка и стабильности системы, посредством воспроизводства в своих практиках мифологических структур, коренящихся в политической культуре общества.

Структурирование посредством символических конструкций, позволяет воспроизводить те или иные политические действия. Несоблюдение политических ритуалов может привести к непредсказуемым последствиям. Если ритуал укоренён в политической культуре конкретного общества, то его нарушение может вызвать как общественный, так и внутривнутриполитический резонанс. С другой стороны, если воспроизводимый ритуал представляют собой застывшую форму, и уже отстал от действующего пространства политической культуры, такое нарушение не приводит к серьёзному ажиотажу.

Ритуалы помогают легитимировать существующий политический порядок и определять социальные роли каждого индивида. Человек, попадающий в ритуальное действие, ассоциирует себя с группой людей, которые также задействованы в ходе этого мероприятия. Ритуал, в отличие от инсценировки политического спектакля, не предполагает зрителей. В момент осуществления символических акций каждый присутствующий приобщается к коллективному процессу. Такое единение в ходе проведения ритуала позволяет в моменте сконструировать коллективное «мы»; общность, способную к

политическому действию [44, с. 105]. Данный потенциал политического мифа и ритуала в условиях усложняющихся коммуникативных структур используется властью в процессе осуществления политики идентичности.

Под идентичностью обычно понимается характеристика самоопределения субъекта относительно его принадлежности к социальным группам и принятия им соответствующих ценностно-нормативных регуляций [45, с. 34]. Такая трактовка устоялась в социологической среде. Политологи исследуют вопросы идентичности в её кооперации с элементами политической системы. В первую очередь такое взаимодействие может возникать в связи с политизацией самой социальной идентичности. Разные социальные кластеры (гендерные, этнические, классовое и др.) борются за распределение и перераспределение прав и власти, приобретая тем самым своё политическое наполнение. Подобное понимание описывает два измерения политической идентичности: *identity politics* – конкуренция широкого круга социальных акторов в связи с конструированием идентичностей конкретных групп и продвижением их интересов и *identity policy* – совокупность целенаправленных действий институциональных акторов, прежде всего – государства [45, с. 45].

Помимо чисто методологических проблем существуют вопросы, связанные с формированием политических идентичностей. В рамках гуманитарных наук можно выделить два подхода к этой проблематике. С одной стороны идентичности представляют собой естественные образования – такова позиция социальных реалистов, к которым относятся такие направления, как перенниализм и примордиализм. Другая позиция трактует идентичности как социальные конструкты, которые покоятся на навязанных концептах и идеях.

В последние десятилетия авторы-конструктивисты заслужили признание в области исследований образований и структурирования политических идентичностей. Связано это в первую очередь с тем, что конструктивизм больше подходит для описания не только исторических идентичностей, таких как нация, но и для анализа идентичностей, формирующихся в эпоху Постмодерна. Конструктивисты, такие как П. Бергер и Т. Лукман, трактуют формирование идентичности как процесс непрерывной социализации человека, в ходе которого он наделяется набором разных идентичностей. Следуя такой логике, социологи приходят к выводу, что человек есть пересечение всех своих идентичностей, образующий некий целостный образ [45, с. 43].

Если ранее социальные структуры предписывали определённый целостный взгляд на идентичность, которому необходимо было следовать, то в эпоху постсовременности встает вопрос кризиса идентичности. Так как современный человек находится в социальном пространстве, где существуют сотни возможных вариантов самоидентификации, и процесс его социализации перестает быть линейным, становится сложно соотносить себя с конкретным

сообществом. Как отмечает З. Бауман, «если проблема идентичности эпохи модерна заключалась в том, как построить идентичность и сохранить ее целостность и стабильность, то проблема Постмодерна прежде всего в том, как избежать фиксации и сохранить свободу выбора» [46, с. 248].

В таком мире встает вопрос о появлении новых идентичностей, например, номодических. Номодическая идентичность характеризуется своей подвижностью, незавершённостью и отсутствием четких маркеров, отличающих ее от какого-либо другого варианта самоидентификации. Однако кризис идентичности, это не только следствие вседозволенности человека, который сам волен выбирать кем быть, но и проблема структурного характера, вызванная изменениями культуры и трансформацией экономической системы. Так, структурные изменения в экономике западных стран, связанные с ростом сектора цифровых услуг и гибким рынком труда, привели к появлению нового социального класса неустроенных людей, не имеющих полной гарантированной занятости – прекариата.

В рамках конструктивизма анализируется процесс формирования и более привычных национальных идентичностей. Так, английский социолог Б. Андерсон представляет нацию в качестве воображаемого сообщества [47, с. 45]. Нация является воображаемым сообществом по причине того, что она не может быть основана на повседневном общении людей. Напротив, появление наций обусловлено наличием ментальных структур, которое объединяют и указывают на сходства всех представителей сообщества. Исторически, как указывает социолог, идея нации стала скрепляющим элементом для людей в момент кризиса религиозного мировоззрения. Национальные проекты стали альтернативной большим религиозным проектам, а распространение книгопечатания еще больше сплотило людей, разговаривающих на одном языке.

Британский социолог Э. Смит считает подход конструктивистов к определению нации излишне упрощенным, так как конструктивисты полностью отбрасывают большой исследовательский пласт в виде мифов. Свою концепцию формирования национальной идентичности Э. Смит назвал этносимволической. Обратимся к его трактовке понятия нации: «имеющая название культурная единица населения с отдельной территорией, общими мифами происхождения и воспоминаниями, общественной культурой, общей экономикой, общими законными правами и обязанностями всех членов» [48, с. 161]. Если убрать из такой трактовки мифологическую структуру, то такое определение превращается в определение государства. Следовательно, миф, это и есть тот элемент, который индивидуализирует каждую нацию.

Этнический миф, по Э. Смиуту, формируется в процессе истории в моменты политических кризисов или военных угроз. В таких обстоятельствах

мифы становятся средством «адаптации к быстрым изменениям, балансирования между несостоятельной религиозной традицией, от которой все же жалко отказаться, и социальными изменениями и модернизацией, к которым страстно стремятся, но которые часто могут быть болезненными» [48, с. 56].

При этом Э. Смит отмечает, что мифы необходимо правильно формулировать, чтобы они выполняли свои функции и выделяет шесть основных элементов, которые должны содержать мифы происхождения: 1) миф о временных истоках, который сообщает дату возникновения сообщества, размещает данное сообщество во временном континууме по отношению к другим сообществам; 2) миф о местоположении и миграции, содержащий информацию о пространственных истоках сообщества, которые важны в том числе для легитимации контроля над землей и ресурсами; 3) миф о предках, прививающий чувство общей родословной, которое дает ощущение престижа и собственного достоинства; 4) миф о героической эпохе, рассказывающий о «золотых временах» существования сообщества, о героических предках, которые предоставляют модель добродетельного поведения и вселяют веру и доблесть в угнетенных и морально разлагающихся потомков; 5) миф об упадке, объясняющий причины падения тем, что старые добродетели были забыты, удовольствие и порок заменили самопожертвование и дисциплину, но дающий надежду, что все еще можно восстановить; 6) миф о восстановлении, носящий, в отличие от остальных, не объяснительный, а предписывающий характер и дающий инструкцию по тому, как достичь возрождения сообщества [48, с. 158].

Таким образом, политический миф представляет собой исторически сложившийся комплекс коллективных представлений, структурирующих определенным образом наше восприятие политической реальности.

Если миф выступает как смысловой конструкт, влияющий на социум путем дискурсивных практик, то феномен политического ритуала, как элемент символической политики, можно определить как набор конкретных символически нагруженных действий, целью которого является воспроизводство мифа в рамках политического процесса.

В эпоху постмодерна политический миф способствует социальному конструированию и политизации идентичности, которую можно определить как характеристику самоопределения субъекта относительно его принадлежности к социальным группам и принятия им соответствующих ценностно-нормативных регуляций.

2.2 Политика памяти как элемент символической политики

Интерес к памяти в социально-культурном аспекте возник в среде западноевропейских историков под влиянием работ французского социолога М. Хальбвакса. Хальбвакс, по своим убеждениям близкий к формировавшейся тогда исторической школе «Анналов», ввел в научный оборот понятие «коллективная память» [49, с. 43]. Под этим термином историк понимал память, которая подчеркивает специфический коллективный опыт группы и отличает её от других сообществ. В результате коллективная память формирует символические культурные практики, которые не обязательно основаны на непосредственном опыте группы, однако именно они обеспечивают «матрицу» для индивидуальных идентичностей.

Коллективная память воспроизводится в группах посредством ритуалов, мифов, традиций и языка. Подобная установка на изучение темпоральных структур символической политики соответствует, на наш взгляд, процессореляционной методологической программе, которая позволяет изучать память как процесс, где время играет значимую роль в конструировании социальных событий, которым придается актуализирующий их смысл. Связь прошлого, настоящего и будущего выстраивается символически при помощи идеологических или, лучше сказать, мифологических конструктов, что заставляет обывателей в определенном ключе воспринимать ход течения политического времени.

Исторически, исследования в области коллективной памяти заложили общие методологические принципы работы с социокультурными аспектами памяти для дальнейших исследований. Начало второй волны интереса к этой сфере положили два литературных события: книга американского историка Й.Й. Захора: «Еврейская память и еврейская история» (1982) и предисловие французского историка П. Нора «Между памятью и историей» к антологии «Места памяти» (1984). Оба автора противопоставляли память истории в качестве принципиально иного способа обращения с прошлым.

Как отмечает П. Нора, история, как наука, всегда стремится деконструировать, подвергнуть критическому анализу объект своих исследований. В этом смысле, история не может служить инструментом интеграции и консолидации людей. Память, напротив, оперируя категорией священного, пытается сформировать целостный образ, найти в прошлом смысл существования сообщества, и на основании этого, объединяет [50, с. 21].

На интегрирующую роль исторической памяти указывает белорусский ученый, кандидат исторических наук В. Ф. Гигин: «историческая память служит инструментом для консолидации общества и формирования идеологии» [51]. В этом ключе, работа с исторической памятью становится важной формой

государственной политики в области построения целостной идеологии государства.

Новый виток исследований коллективной и исторической памяти пришёлся на 1980-е годы. По выражению известного французского историка, специалиста в области историографии Ф. Артога, 1980-е «захлестнула волна памяти». Данная тематика прорабатывалась не только в пределах Франции. К концу 1990-х годов список зарубежных исследований, посвященных различным аспектам изучения исторической памяти, выглядел уже достаточно представительно (труды П. Хаттона, П. Нора, Д. Лоуэнталя, Г. Люббе, Й. Рюзена, П. Рикера, П. Бергера, Я. Ассмана, А. Ассман, Б. Гене и т. д.) [28, с. 43].

В постсоветской исторической науке тема памяти появилась немногих позже – в 1990-х годов, когда ранее единая общность советского народа разрушилась, перед социумом новообразованных государств встал вопрос, какие исторические события стоит того, чтобы их помнили, а какие необходимо придать забвению. Среди постсоветских исследователей, занимающихся проблемами исторической памяти, – Л.П. Репина, О.Б. Леонтьева, И.М. Савельева, А.В. Полетаев, Е. С. и А. С. Сенявские и др.

Этот теоретический бум породил самостоятельную междисциплинарную область *memory studies*, которая занимается вопросами политического конструирования представлений о прошлом. Политику памяти по праву можно считать одной из основных областей символической политики, ибо, как точно заметил П. Бурдьё, для внедрения новых представлений о строении социальной реальности «самыми типичным стратегиями конструирования являются те, которые нацелены на ретроспективную реконструкцию прошлого, применяясь к потребностям настоящего, или на конструирование будущего через творческое предвидение, предназначенное ограничить всегда открытый смысл настоящего» [52, с. 13]. Неудивительно, что исследования символической политики часто фокусируются на работе с прошлым и будущим.

Вторая интерпретации политической памяти Бурдьё, О.Ю. Малинова отмечает, что политика работает не с прошлым (ибо это то, чего больше нет), а с социальными представлениями о прошлом. При этом она имеет дело не столько с историей – систематической реконструкцией прошлого, основанной на критическом отборе, – сколько с тем, что принято называть коллективной памятью, т.е. с социально разделяемым культурным знанием о прошлом, которое опирается на разные источники и отличается принципиальной неполнотой и избирательностью.

Область исследований политики памяти наполнена множеством смежных понятий и концептов. Одной из таких категорий является понятие «исторической политики». Представляется необходимым провести демаркацию представленных объектов.

Термин «историческая политика» возник как категория политической практики в 1980-х гг. в ФРГ. Послевоенное осмысление нацистского прошлого Германии привело историков к длительному интеллектуальному спору об ответственности немецкого народа за преступления тоталитарного режима. Важной персоналией здесь явился канцлер Германии Г. Коль, который пытался добиться «морально-политического поворота» и более позитивного характера немецкого патриотизма с тем, чтобы он не строился исключительно на признании немцами собственной вины за преступления Третьего рейха. В ходе этих дискуссий возник термин «историческая политика» (Geschichtspolitik), который использовали оппоненты предлагавшейся политики, вследствие чего сам термин приобрёл отчетливо критический характер. Второе дыхание данный концепт обрел в 2000-х годах в Польше, что было связано с переосмыслением социалистического наследия страны.

Историческая политика, как пишет О.Ю. Малинова, – это особая конфигурация методов, предполагающая «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» [52, с. 210]. Интерпретируемая таким образом историческая политика оказывается частным случаем политики памяти и элементом символической политики (см. рисунок 2.1).

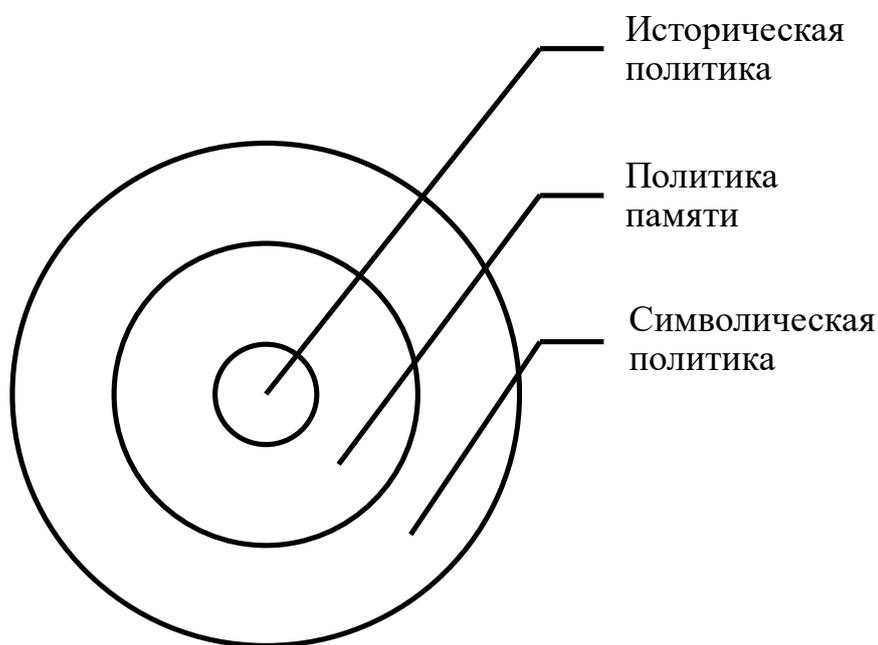

Рисунок 2.1 – Корреляция понятий «политика памяти», «историческая политика», «символическая политика»

Политика памяти выступает как способ преодоления состояния постмодерна, с его раздробленным режимом памяти, сложностью в отождествлении себя с национальными группами, отсутствию внятной модели

будущего. Через упрочнение национального исторического нарратива становится возможным вновь рассматривать нацию, народ как субъект исторического процесса и политического актора.

Коллективная историческая память и представление о прошлом во властных кругах может отличаться от государства к государству. Совершенно естественно, что одни и те же исторические события могут быть проинтерпретированы по-разному в зависимости от приобретённого коллективного опыта. Такое понимание в очередной раз заставляет обратиться нас к пониманию мифа по Р. Барту. Историческое событие само по себе есть набор знаков. Свой смысл оно приобретает только в момент интерпретации через мифологическую установку. Поскольку интерпретация прошлого разнится от государства к государству, от народа к народу, то неизбежен и конфликт интерпретаций, который может приводить к «войнам памяти».

Российский исследователь А. А. Давиденко замечает, что у термина «война памяти» нет чёткой дефиниции. Поэтому это явление трактуется максимально широко как конфликт исторических нарративов внутри государства и за его пределами, что по-видимому связано с самоочевидностью такого понятия [53, с. 86].

Прослеживается закономерность, что тема войн памяти активно исследуется в контексте исторической политики и политики памяти стран Восточной Европы и стран постсоветского пространства. Война памяти как феномен неотделим от современного ему политического контекста. Зачастую разницу в интерпретациях истории не педалируют и не освещают до момента проявления реального политического конфликта. Следовательно, в момент политических кризисов пространство истории становится еще одним полем напряженности, в котором происходит борьба мнемонических акторов.

Хрестоматийным примером войн памяти является продолжающаяся борьба нарративов, интерпретирующих события Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. Ещё с началом 1990-х годов в странах бывшего варшавского договора, особенно в Польше, прибалтийских странах, Чехии, Словакии, стали пересматриваться прежние социалистические нарративы относительно событий Второй мировой войны. Связано это было с тем, что элиты, пришедшие к власти после крушения социалистического лагеря, стремились использовать нарратив о жертвах коммунизма в качестве одного из компонентов национального строительства [54, с. 291]. Прежний нарратив гласил, что СССР был государством-освободителем стран Восточной Европы от гнета нацистской оккупации. Новый нарратив строился, по большей части, на постановке знака равенства между Советским Союзом и Третьим Рейхом. Страны Восточной Европы, в первую очередь Польша, в такой интерпретации стали жертвами обстоятельств, которые пострадали как от нацизма, так и от

последующей коммунистической «оккупации». Как отмечает А.И. Миллер, фигура «жертвы» помогает переложить ответственность за собственную историю на иные страны [53, с. 89].

Параллельно шел поиск новых исторических ориентиров в Республике Беларусь и Российской Федерации. В отличие от большинства бывших союзников по социалистическому лагерю, эти страны не отказались от нарратива о великой победе советского народа, который принес освобождения странам Европы. Память о победе в Великой Отечественной войне, как для России, так и для Беларуси, является одним из центральных мотивов политики памяти. На общность исторической памяти в контексте войны указывает белорусский историк и депутат Палаты представителей И.А. Марзалюк: «И Республика Беларусь, и Российская Федерация свято чтут память тех, кто отдал свою жизнь за родину, за будущее своих потомков. Здесь прослеживается очень важный исторический контекст, объединяющий Союзное государство. Ведь в памяти еще свежи воспоминания о неисчислимых жертвах войны» [55].

Такое разночтение неизбежно должно было привести к конфликту нарративов. На данный момент стоит говорить не просто о конфликте интерпретаций прошлого, но о «войне памяти». Так, в Польше и странах Прибалтики проводится демонтаж памятников солдатам Красной армии, в школьных учебниках СССР отождествляется с Третьим Рейхом, ведется активная пропаганда националистического нарратива через СМИ.

События, разворачивающиеся вокруг войн памяти в Восточной Европе, ещё раз показывают сложность и комплексность такого явления, как символическая политика и политика памяти. Сложно, а порой невозможно отделить, где в доминирующем нарративе выражение коллективного опыта народа, а что является инспирированной властными элитами пропагандой. Весь комплекс политического использования прошлого слипается в единое целое, что заставляет возвращаться к идеям Ж. Бодрийяра о гиперреальности.

При изучении темпоральных структур символической политики особую актуальность приобретает дискурс-анализ политики памяти и исследование ее инфраструктуры, включая политические институты, научные и образовательные учреждения, медиасферу, музеи и политизированную топонимику.

Политика памяти является одним из стратегических направлений государственной политики вообще. По этой причине встает вопрос об институционализации данного феномена. Разберем формы институционализации политики памяти на примере Республики Польши и Российской Федерации.

В Польше с середины 90-х годов прошлого века идет процесс институционализации политики памяти и исторической политики. Так, Законом

от 18 декабря 1998 г. «Об Институте национальной памяти – Комиссии по расследованию преступлений против польского народа», было образовано одноимённое учреждение. Институт национальной памяти – Комиссия по расследованию преступлений против польского народа представляет собой государственное учреждение историко-архивного типа, призванное расследовать преступления органов государственной безопасности времен социалистического режима, а также преступления советских и нацистских спецслужб на территории Польши с 1940 по 1990 годы. Данная организация имеет полномочия проводить люстрации. За время своего существования институт не раз использовался как инструмент осуществления исторической политики.

В 2016 года в Польше был принят Закон «О запрете пропаганды коммунизма или иного тоталитарного строя». По своему характеру этот закон – одновременно инструмент борьбы с идеологическими оппонентами правящего режима и инструмент исторической политики. Закон преследует цель «декоммунизации» памятников, улиц и зданий.

В России также были попытки создать структуру, которая бы была задействована в осуществлении государственной политики памяти. Так, в 2009 году, была создана Комиссия при Президенте РФ по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. Основными задачами этого органа являлись: анализ информации о фальсификации российской истории; выработка стратегий по противодействию фальсификациям истории, рассмотрение предложений государственных органов по противодействию фальсификациям в ущерб интересам России. Тем не менее, данный орган прекратил своё существование в 2012 году [56, с. 105].

На сегодняшний день в рамках Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека действует постоянная Комиссия по исторической памяти, в задачи которой входит развитие национальной стратегии по сохранению исторической памяти.

По мнению российских политологов Ю.С. Васютина и Е.С. Пановой, некоторые аспекты реализации политики памяти можно усмотреть в следующих законах: в Законе РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» от 14 января 1993 г. № 4292-1 (в ред. от 5 апреля 2013 г.); в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации, где есть статья, посвящённая запрету реабилитации нацизма; в Федеральном законе «О Знамени Победы» от 7 мая 2007 г. № 68-ФЗ; в Указе Президента РФ «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» от 23 марта 1995 г. № 310 (в ред. от 03.11.2004 г.) [56, с. 109].

Таким образом, политика памяти представляет собой целенаправленную деятельность политических акторов по репрезентации определенного образа коллективного прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных и визуальных практик, а в некоторых случаях – специального законодательного регулирования.

Установлено, что в эпоху Постмодерна политика памяти и историческая политика являются частью более широкого концепта символической политики.

Основными направлениями институционализации политики памяти на современном этапе выступают принятие специальных законодательных актов, определяющих статус официального исторического нарратива и режим борьбы с его фальсификацией, создание институтов исторической памяти, призванных тщательно изучать историю страны, установление государственных праздников и дней памяти, посвященных важным историческим событиям и др.

2.3 Символическая политика в Республике Беларусь на современном этапе

В последние десятилетия вопросы символической политики и политики памяти стали активно звучать в публичном дискурсе государственных деятелей и чиновников. Осложнение мировой политической обстановки потребовало вновь вернуться к проверенным механизмам интеграции и мобилизации населения, коими являются символические потерны и историческая память. Вопреки мнению авторов, ознаменовавших конец эпохи идеологии, политические символы и образы, идеи и концепты играют важную роль в современной государственной политике. Но все же можно согласиться с Д. Беллом, Р. Ароном в том, что век тотальных идеологий прошёл. На сегодняшний момент большинство государств мира не ставят своей целью создание большой всеохватывающей идеологии.

Эта тенденция не обошла и Беларусь. После распада СССР Республика Беларусь, как и другие страны бывшего союза, оказались в положении идеологического вакуума. В начале 1990-х годов белорусское символическое пространство отличалось неоднородностью и полинарративностью. Разные политические силы предлагали свои проекты по конструированию смыслового каркаса молодого государства. Как отмечает белорусский ученый И.М. Макаренко, в первой половине 90-х годов XX века в Беларуси обнаруживаются эмпирические признаки постмодернистского общества. Это и ценностная бессистемность, кризис прежней идеологической парадигмы и следующий за ним кризис идентификации, как на индивидуальном, так и на национальном уровнях [57, с. 84].

Российский историк Е.А. Бикетова подразделяет процесс формирования и реализации символической политики в Беларуси, как целенаправленного курса, на три основных этапа: конец 1980-х годов – 1994 г.; 1995– 2003 гг.; 2003 г. – по настоящее время [58].

Исторически, *первый этап* был связан с активной ролью Белорусского народного фронта и белорусским национал-демократическим движением, во главе которого стояли С. Шушкевич и З. Позняк, активно выступавшие за «десоветизацию» Беларуси и ориентацию страны на европейский путь развития. Стремление создать новую версию национальной истории строилось на двух принципах: принципе «десоветизации» истории Беларуси, дрейфа от советского прошлого, и попытке «вписать» историю Беларуси в европейский контекст. Были осуществлены попытки провести ревизию советского наследия. Вместе с этим 19 сентября 1991 года Верховным Советом Республики Беларусь были утверждены государственные символы в виде бело-красно-белого флага и герба «Погоня» [58].

Второй этап хронологически связан со сменой политического курса Беларуси в связи приходом к власти, по мнению Е.А. Бикетовой, президента А.Г. Лукашенко, основным политическим дискурсом которого стала консолидация белорусского общества с опорой на советское наследие. Этому сопутствовал запрос в белорусском обществе на окончательное определение основных государственных символов – флага и герба. Утверждённые в 1991 году государственные символы ассоциировались у многих белорусов с трагическим периодом нацистской оккупации и коллаборационистскими организациями. Кандидат исторических наук С. А. Третьяк отмечает, что в период с 1991 по 1995 годы в Верховный совет неоднократно поступали письма от ветеранов, представителей общественных организаций и пенсионеров с просьбой сменить государственные символы. Граждане отмечали, что принятая на тот момент атрибутика не способствует объединению нации, а напротив, лишь разделяет людей на противоборствующие лагеря [59].

В этой связи, центральной точкой бифуркации символической политики в Беларуси стал прошедший 14 мая 1995 года референдум, который определил дальнейшее развитие политики в области государственной символики и закрепил сложившийся в стране билингвизм. На данном референдуме белорусский народ сделал выбор в пользу новых государственных символов. Как отмечает, В. Ф. Гигин, принятые флаг и герб вобрали в себя широкий пласт отечественной истории: «Орнамент – это орнамент 1917 года, когда зародилась белорусская национальная идея. Красный флаг – это флаг сторонников советской власти, которые создавали нашу республику... кроме того, красное полотнище вобрало в себя знамена партизанских бригад, флаг Победы. Зеленый же цвет символизирует наши богатства» [60].

Согласно опросу, проведенному Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси (далее – НАН Беларуси) в период с 27 по 11 апреля 2023 года (выборочная совокупность – 902 респондента) более 66% белорусов считают государственную символику главным национальным символом Беларуси [61].

На данный момент статус государственной символики Республики Беларусь закреплён в таких нормативно-правовых актах, как Конституция Республики Беларусь и Закон от 5 июля 2004 г. № 301-З «О государственных символах Республики Беларусь» [62]. Отдать дань уважения всем трем государственным символам Беларуси призвано новое название государственного праздника «День Государственного флага, Государственного герба и Государственного гимна Республики Беларусь – второе воскресенье мая» [63].

Третий этап строительства политики памяти в Беларуси Е.А. Бикетова соотнесла с 2003 годом. Как отмечает российский историк, новые принципы политики памяти и подходов к истории Беларуси были озвучены А.Г. Лукашенко 14 марта 2003 г. на встрече со студентами Белорусского государственного университета, где президент прочел лекцию «Исторический выбор Беларуси» [64]. В своем выступлении лидер белорусской нации остановился на важнейших этапах белорусской государственности, отметив роль европейского и российского компонентов в истории и государственности Беларуси. Таким образом, по мнению российского историка, президент попытался примерить две трактовки белорусского прошлого: условно «западническую» и «советскую».

Первые два десятилетия XXI века прошли под знаменем именно этой парадигмы отечественной истории, что можно проследить и по принимаемым политическим документам. В 2016 г. в Беларуси была принята Государственная программа «Культура Беларуси на 2016–2020 гг.», в которой была предпринята попытка совместить несколько видов исторической памяти (включающих «европейский» и «советский» компоненты). Политика памяти, проводившаяся А.Г. Лукашенко в 2000-е годы, способствовала относительной гомогенизации белорусского общества точки зрения идентичности: появился собственный национальный компонент, основанный на особой цивилизационной роли и национальном характере белорусов [58].

Ставка на национальное единство, выстраивание целостного исторического нарратива и образа будущего позволило преодолеть постмодернизм социального пространства 1990-х годов, с его раздробленным режимом памяти, отсутствием определённой идентификации в обществе и отсутствием скрепляющих ценностей.

Начиная с 2006 года каждый год в Беларуси объявляется тематическим. Анализируя заявленные темы, можно проследить, какие события являются смыслообразующими для власти. С 2006 по 2020 годы выбор основной тематики года связан с конкретными социально-экономическими вопросами политической повестки, будь то молодежь или здоровье населения. Важной вехой для белорусского нациестроительства стал 2022 год, когда Главой государства был подписан Указ № 1, согласно которому в целях формирования объективного отношения общества к историческому прошлому, сохранения и укрепления единства белорусского народа 2022 год в Беларуси объявлен Годом исторической памяти [65].

Правительству Беларуси было поручено с участием Генеральной прокуратуры, НАН Беларуси, облисполкомов, Минского горисполкома разработать и утвердить республиканский план мероприятий по проведению в 2022 году Года исторической памяти. Анализируя проведённую в этой области масштабную работу, можно определить уровень институционализации символической политики, а также выявить центральные нарративы отечественной политики памяти на данный момент.

Рассмотрев список мероприятий, приуроченных к году исторической памяти, можно обнаружить все упомянутые нами в разделе 2.2 институции, в которых коренится политика памяти. Программа мероприятий акцентирует особое внимание на воспитании молодого поколения. Так, к примеру, более 50 экскурсионных маршрутов по местам боевой славы были разработаны специалистами Белорусского государственного университета для молодежи страны и иностранных туристов [66].

Под эгидой Года исторической памяти, 4 февраля 2022 года Главой государства было подписано распоряжение № 22 рп «О Республиканском совете по исторической политике при Администрации Президента Республики Беларусь». Данный Совет стал первым постоянно действующим межведомственным консультативным и координирующим органом по проведению единой государственной политики в сфере исторической памяти. К основным компетенциям органа относятся следующие: определение стратегии и задач исторической политики, разработка подходов и мер по ее реализации; координация деятельности госорганов и иных организаций в сфере исторической политики и контроль за выполнением решений совета; подготовка в рамках компетенции проектов нормативных правовых актов и заключений; изучение и мониторинг общественного мнения по социально-гуманитарным вопросам [67]. В его состав на общественных началах вошли авторитетные общественные деятели, известные ученые в области гуманитарных знаний, представители общественных объединений, политических партий, экспертного сообщества, госорганов и организаций.

Важную роль в процессе реализации символической политики в нашей стране играют ежегодные послания Президента белорусскому народу и парламенту. Учитывая, что 2022 год стал Годом исторической памяти, Послание 2022 года, прозвучавшее 28 января, представляет для нас особый интерес [65]. Президент посвятил целый блок проблематике политики памяти и подчеркнул особую роль Великой Отечественной войны в исторической памяти белорусов: «в сложившихся условиях закалились наши многовековые духовно-нравственные ориентиры, сформировался настоящий белорусский характер. Сегодня мы больше говорим о Великой Отечественной войне, но это не означает забвение или неприятие других этапов развития нашей государственности. И мы должны в течение этого года серьезно вернуться, чтобы показать всему обществу и особенно нашим детям и молодежи, кто мы, откуда и что мы прошли, и сколько мы потеряли человеческих жизней и судеб, стремясь к нашему суверенитету и независимости» [68].

На примере сохранения исторической памяти о войне можно наблюдать, как государство осуществляет политику в соответствии с коллективной памятью народа. По данным опроса Института социологии НАН Беларуси, для большинства белорусов (58,6% жителей нашей республики) Великая Отечественная война – это в первую очередь героический подвиг советского народа (см. рисунок 2.2) [69]. Более 90% белорусов считают Великую Отечественную войну одним из самых важных событий в истории нашей страны.

Рисунок 2.2 – Общественное мнение о событиях Великой Отечественной войны [68]

Тревогу вызывает попытки иностранных государств оспорить базовые положения национального исторического нарратива. Д.В. Белявцева считает, что в отношении Беларуси развязана «война памяти». Наибольшим нападкам подвергается история Великой Отечественной войны и роли Беларуси в событиях середины прошлого века. В 2019 году Европарламентом была принята резолюция № 2819 «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», которая, по сути, возлагает ответственность за развязывание Второй мировой войны не только на Третий рейх, но и Советский Союз (следовательно, и БССР) [70, с. 57].

Инициаторами принятия резолюции стали польские евродепутаты из фракции «Европейские консерваторы и реформисты». На современном этапе наибольшая конфронтация по вопросам интерпретации истории наблюдается именно с Польшей. В 2019 году Польским Институтом национальной памяти была осуществлена попытка реабилитации капитана Армии Крайовой Р.А. Райса, по кличке «Бурый», который в 1946 году учинил убийства 79 белорусов в селах Восточной Польши. После поимки Райс был приговорён к смертной казни за совершённые им военные преступления. Ряд польских историков, работавших в институте, заявили, что Райс не действовал с намерением уничтожить белорусское население, следовательно, его необходимо оправдать. 12 марта 2019 года начальник управления информации и цифровой дипломатии МИД Беларуси А. Глаз сообщил, что официальный Минск требует разъяснений от Варшавы по вопросу реабилитации Райса. Глава Института национальной памяти заверил белорусский МИД, что решение историков не несет юридической силы, и преступления Райса официальная Варшава не оспаривает. Со своей страны А. Глаз подчеркнул важность недопущения оправдания и героизации «преступников вроде Бурого» [71].

По мнению В.Ф. Гигина, элементы белорусской исторической политики «разбросаны, а их нужно просто собрать и выстроить единую четкую картину нашей исторической политики...» [72]. Также профессор предостерегает от повторения опыта соседних государств, таких как Польша или Украина, где были созданы институты исторической памяти, обладающие широкими полномочиями в области исторической политики, которые, по словам В.Ф. Гигина, становятся «исторической полицией» [72].

Вышеизложенные факты указывают на актуальность реализации системной и целостной государственной политики в области исторической памяти и национальной символики. Среди инструментов реализации политики памяти в Республике Беларусь активно используются нормативно-правовые средства, значимость которых подчеркивает И.А. Марзалюк: «необходимо помнить, что очень важным элементом любой концепции исторической памяти является мемориальное законодательство, то есть законы, которые четко

регламентируют отношение к тому или иному важному событию, пресекают спекулятивные, фальсификаторские, лживые интерпретации прошлого и предусматривают административное и уголовное наказание за те или иные интерпретации и попытки пропаганды человеконенавистнической нацистской идеологии» [55]. На данный момент в Республики Беларусь, наряду с Основным Законом страны, действует ряд нормативных правовых актов, которые можно отнести к «мемориальному законодательству». Так, 14 мая 2021 года принят Закон № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма», а 5 января 2022 года Закон № 146-З «О геноциде белорусского народа». 29 декабря 2021 года постановлением Правительства № 773 утверждена Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы, направленная на совершенствование государственной политики патриотического воспитания через формирование национальной идентичности, духовно-нравственное, историко-культурное, гражданско-патриотическое и военно-патриотическое воспитание [73]. В целях обеспечения на межведомственном уровне согласованной работы по патриотическому воспитанию населения образован Республиканский межведомственный координационный совета по патриотическому воспитанию населения Республики Беларусь.

На наш взгляд, угрозы в информационной сфере, обозначенные в действующей Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [74], во многих отношениях сопоставимы с вызовами, которые несет в себе эпоха Постмодерна. Манипуляция смыслами, насаждение и культивация ценностей, чуждых белорусскому народу, проникновение западных информационных компаний-гигантов на отечественный рынок цифровых услуг, все эти угрозы, при недостаточной проработке, могут вернуть белорусское общество в состояние постмодерна начала 1990-х годов, что повлечёт за собой имплозию национальной идентичности, разрушения целостного образа прошлого и социальной деградации.

В такой перспективе вызовы, определённые нами как постмодернистские, представляют внешнюю угрозу по отношению к относительно целостному и гомогенному в ценностно-символическом плане белорусскому обществу, в котором доминирует единый исторический нарратив. Согласно рассмотренной нами в разделе 1.1 теории И. Валлерстайна, можно постановить, что немалый вклад в дестабилизацию информационного и смыслового пространства вносит распространение западной геокультуры развития. Как отмечает И. Валлерстайн, геокультура развития – историческая форма культурного давления, которая вместе с программами экономической модернизации несет весь пласт культуры западного общества постмодерна [25, с. 213].

Этот концепт резонирует со словами Главы белорусского государства: «Народы не понимают, как может быть совместима идеология глобального международного проекта устойчивого развития с такими “достижениями” современности, как небывалый голод, эпидемии, нравственная деградация, разгул аномальных ценностей» [1].

Выходом из сложившейся ситуации культурной гегемонии Запада может стать последовательное осуществление политики отстаивания своих национальных интересов, включая защиту национального исторического нарратива, смыслообразующих понятий и событий, вокруг которых строится белорусская идентичность. В условиях войн памяти с историческими нарративами соседних государств в Республике Беларусь осуществляется комплекс мер по недопущению фальсификации отечественной истории.

Отечественные ученые Г.Г. Краско и О.В. Богомаз к числу основных мероприятий исторической политики, направленных на конструирование и закрепление в белорусском обществе памяти о прошлом, относят следующие: «выстраивание в рамках стратегического партнерства совместно с дружественными государствами на взаимном уважении национальных интересов коалиционной исторической политики; разработка концепции государственной исторической политики; формирование пантеона национальных героев, исходя из национальных интересов Республики Беларусь и многовековой традиции белорусской государственности; “кодификация” исторической памяти и закрепление на государственном уровне оценок основных событий прошлого, в том числе в законодательстве, и их отражение в научных работах и учебной литературе, памятных датах и государственных праздниках; сохранение объектов исторического наследия и памяти о погибших воинах Красной Армии, партизанах, подпольщиках и мирном населении, погибших и пострадавших в годы Великой Отечественной войны; ограничение (вплоть до запрета) ревизии устоявшихся подходов к оценкам основных событий прошлого, которые формируют исторические представления граждан Республики Беларусь; разработка механизмов участия не только государства, но и гражданского общества в институционализации памяти о прошлом» [75, с. 125-126].

Таким образом, наличие в Республике Беларусь «мемориального законодательства», государственных органов, занимающихся исторической политикой, широкая научно-историческая база, проведение целого ряда мер и мероприятий по сохранению памяти народа свидетельствует о том, что в Республике Беларусь сложились условия для формирования целостного и непротиворечивого образа прошлого, нашего исторического нарратива.

На сегодняшний день в связи с тем, что эффективная символическая политика становится одним из основных государственных приоритетов,

необходимо выстраивать вектор международных отношений с учетом этого немаловажного фактора. Оптимальный вариант, на наш взгляд, это выстраивание международных отношений в области политик памяти на «агонистическом» основании. Термин «агонизм», введенный бельгийским политологом Ш. Муфф, предполагает, что в пространстве политики конфликты, в том числе конфликты исторических трактовок, являются не просто обыденным явлением, но и необходимым [76, с. 47]. При наличии общих договоренностей по поводу базовых ценностей, таких как свобода выражения мнения, правового порядка, справедливого мироустройства, отказа от насильственных методов решения споров, политические конфликты способствуют укреплению социальной системы через выработку новых смыслов, концепций, решений в процессе постоянного диалога сторон.

Применяя эту концепцию к проблематике борьбы национальных нарративов, можно, с одной стороны, избежать впадения в полный диссенсус и войну памяти, а с другой, пресечь замалчивания исторических фактов в угоду политическим целям и полному поглощению одних исторических нарративов другими. Для реализации стратегии агонистического режима политик памяти в области международных отношений, к принципам ведения диалога, предложенным Ш. Муфф, стоит добавить принцип признания суверенитета государства над своей историей и отказ от фальсификации исторических фактов. Реализация этой стратегии может способствовать развитию научного и культурного сотрудничества в области истории и коллективной памяти. В ходе диалога исторических нарративов могут возникать новые коллективные смыслы. При этом не разрушается целостное представление о прошлом народа, следовательно, сохраняется основа идентичности граждан.

Характерной чертой символической политики является её уровневая дифференциация. Соответственно, как нами было разобрано ранее, символическая политика может осуществляться «сверху», то есть государственными органами, политическими элитами, и «снизу», общественными объединениями, гражданским обществом. В случае если символические системы политических актов не совпадают, это может приводить к ситуации внутринационального конфликта. В этом свете, продуктивным, в рамках развития символической политики в Республики Беларусь, представляется использование срединной стратегии предложенная Т. Майером [29, с. 41]. Также такую стратегию немецкий политолог определил как продуцируемую одновременно и «сверху и снизу». Неоспоримым преимуществом данного подхода является возможность общения и коммуникации между нарративами и дискурсами разных политических акторов, что приводит к формированию единого смыслового поля, в котором

возможна выработка коллективных решений по вопросам интерпретации ценностей, символов, национальной истории.

«Срединная» стратегия может выражаться в формах проведения коллективных мероприятий. Широко распространена практика участия и организации мероприятий, приуроченных памятным датам, как государственными учреждениями, так и независимыми общественными организациями. К примеру, соучастие в таких ритуальных действиях, как возложения венков к памятникам маркирует причастность политических акторов к общей системе ценностей и символов. Такая форма символической политики известна и широко практикуется и в Республике Беларусь.

Актуальной формой «срединной» стратегии можно считать формирование общественно-консультативных советов при государственных учреждениях. Подобная практика активно применяется в области взаимодействия власти и бизнеса, но и в сфере осуществления символической политики есть место общественным советам. На базе подобных общественных советов могут обсуждаться вопросы по выработке единого образа национальной истории, национальных символов, определению ценностных ориентиров белорусского народа. Важной темой в рамках обсуждения символической политики также может являться формирование имиджа белорусского государства. Как известно, имидж складывается, помимо всего прочего, из грамотного и последовательного продвижения символических форм, которые ассоциируются с данным государством. Соответственно, выработка стратегий по продвижению «национального бренда» является немаловажным фактором успешной деятельности государства на международной арене.

Краткие выводы по второй главе:

Политический миф представляет собой исторически сложившийся комплекс коллективных представлений, структурирующих определённым образом наше восприятие политической реальности. Если миф выступает как смысловой конструкт, влияющий на социум путем дискурсивных практик, то *феномен политического ритуала*, как элемент символической политики, можно определить как набор конкретных символически нагруженных действий, целью которого является воспроизводство мифа в рамках политического процесса.

В эпоху Постмодерна политический миф способствует социальному конструированию и политизации идентичности, которую можно определить как характеристику самоопределения субъекта относительно его принадлежности к социальным группам и принятия им соответствующих ценностно-нормативных регуляций.

Политика памяти представляет собой целенаправленную деятельность политических акторов по репрезентации определенного образа коллективного

прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных и визуальных практик, а в некоторых случаях – специального законодательного регулирования.

Установлено, что в эпоху Постмодерна политика памяти и историческая политика являются частью более широкого концепта символической политики.

Основными направлениями институционализации политики памяти на современном этапе выступают принятие специальных законодательных актов, определяющих статус официального исторического нарратива и режим борьбы с его фальсификацией, создание институтов исторической памяти, призванных тщательно изучать историю страны, установление государственных праздников и дней памяти, посвященных важным историческим событиям и др.

Проведенная периодизация процесса формирования и реализации символической политики в Беларуси позволяет констатировать, что краеугольным камнем современной белорусской символической политики является сохранение исторической правды и памяти о Великой Отечественной войне и героическом подвиге белорусского народа.

В контексте практических рекомендаций по совершенствованию символической политики в Республике Беларусь перспективным, по нашему мнению, является «агонистический режим» выстраивания международных отношений в области политик памяти в рамках сопоставления отечественного и иностранных исторических нарративов. В контексте «срединной стратегии» символической политики, продуцируемой одновременно «сверху и снизу», представляется целесообразным формирование общественно-консультативных советов по исторической политике при государственных органах и учреждениях, выработка стратегий по продвижению «национального бренда» белорусского государства, расширение конструктивной практики организации и проведения мероприятий, приуроченных памятным датам, как государственными учреждениями, так и субъектами гражданского общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие заключительные выводы:

1. Установлено, что генеалогия постмодернизма восходит к четырем основным направлениям в искусстве (И. Хасан, Ч. Дженкс, Л.Мейер), философии (Ж. Бодрийяр, Ф. Гваттари, Ж. Делёз, Ф. Джемисон) и культурно-социальной теории (З. Бауман, Э. Гидденс, А. Тойнби), которые рассматривают постмодерн как эпоху и культурное, социальное отображение постиндустриальной трансформации экономики, где знания и информация становятся экономическим ресурсом, трансформирующим прежние социальные нормы и порядки.

С позиций политической науки постмодерн можно интерпретировать как форму политического сознания, выраженную в гетерогенности, релятивизме и синкретизме такого сознания, и влияющую на систему управления, политическую культуру и другие функциональные элементы политической системы. Постмодернистские концепции и методология анализа политики исходят из философии постмодернизма и умеренного постмодернизма в культурно-социальной теории, которые заключаются в интерпретации политики через дискурсивные практики (философский постмодернизм) и через трансформацию капиталистической системы (культурно-социальная теория). Данные подходы позволяют целостно рассмотреть феномен политического постмодернизма, затронув одновременно тему индивидуального политического сознания и саму структуру социально-политических отношений.

2. Основными социально-политическими предпосылками формирования символической политики являются процесс «маргинализации» идеологии, который мы связываем с наступлением эпохи постмодерна, развитием цифровых средств коммуникации. В процессе концептуализации символической политики можно условно выделить два теоретически дифференцированных между собой подхода: представители первого подхода (М. Эдельман, У. Сарцинелл, Т. Майер и С. Поцелуев) понимают символическую политику как самостоятельную действительность, оторванную от реальных решений, своего рода псевдополитическое измерение, за которым скрыты материальные основания политики; сторонники второго подхода (П. Бурдьё, О.Ю. Малинова) рассматривают символическую политику как естественную и неотъемлемую часть политической реальности.

Под символической политикой нами предложено понимать деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение или навязывание определенных способов интерпретации социально-политической реальности в качестве доминирующих.

3. Выделяют три основные модели символической политики, объединённые концептом «инсценирования». В рамках театральной модели символическая политика рассматривается как синтез театральной и собственно политической логик, эмпирически совмещающий сцену повседневного общения и политического бизнеса. Драматологическая модель наследует отчасти понимание символической политики у театральной модели и трактует ее в качестве осознанной рациональной деятельности политических акторов. Перформансная модель пытается интегрировать все рассмотренные наработки через понятие перформанса, которое объединяет политическую театральность, фреймированность и политическую мифологию.

4. Политический миф представляет собой исторически сложившийся комплекс коллективных представлений, структурирующих определённым образом наше восприятие политической реальности. Если миф выступает как смысловой конструкт, влияющий на социум путем дискурсивных практик, то феномен политического ритуала, как элемент символической политики, можно определить как набор конкретных символически нагруженных действий, целью которого является воспроизводство мифа в рамках политического процесса.

В эпоху постмодерна политический миф способствует социальному конструированию и политизации идентичности, которую можно определить как характеристику самоопределения субъекта относительно его принадлежности к социальным группам и принятия им соответствующих ценностно-нормативных регуляций.

5. Показано, что в эпоху постмодерна политика памяти и историческая политика являются частью более широкого концепта символической политики.

Политика памяти – это целенаправленная деятельность политических акторов по репрезентации определенного образа коллективного прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных и визуальных практик, а в некоторых случаях – специального законодательного регулирования.

Основными направлениями институционализации политики памяти на современном этапе выступают принятие специальных законодательных актов, определяющих статус официального исторического нарратива и режим борьбы с его фальсификацией, создание институтов исторической памяти, призванных тщательно изучать историю страны, установление государственных праздников и дней памяти, посвященных важным историческим событиям и др.

6. Проведенная периодизация процесса формирования и реализации символической политики в Беларуси позволяет констатировать, что краеугольным камнем современной белорусской символической политики является сохранение исторической правды и памяти о Великой Отечественной войне и героическом подвиге белорусского народа.

В контексте практических рекомендаций по совершенствованию символической политики в Республике Беларусь перспективным, по нашему мнению, является «агонистический режим» выстраивания международных отношений в области политики памяти в рамках сопоставления отечественного и иностранных исторических нарративов. В русле «срединной стратегии» символической политики, продуцируемой одновременно «сверху и снизу», представляется целесообразным формирование общественно-консультативных советов по исторической политике при государственных органах и учреждениях, выработка стратегий по продвижению «национального бренда» белорусского государства, расширение конструктивной практики организации и проведения мероприятий, приуроченных памятным датам, как государственными учреждениями, так и субъектами гражданского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Послание белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2023. – 31 марта. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-aleksandra-lukashenko-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu-sostoitsya-31-marta>. – Дата доступа: 01.05.2023.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 6 марта 2023 г., № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>. – Дата доступа: 26.04.2023.
4. Марчик, А.О. Телесность как предмет социально-политических исследований // Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2022 : материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 10–11 ноября 2022 г. / БГУ, Юридический фак. ; [редкол.: А. В. Шидловский (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2023 (принят для депонирования).
5. Павлов, А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время / А.В. Павлов – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 560 с.
6. Пилюгина, Е.В. Постмодерн и постмодернизм: проблема экспликации и демаркации понятий / Е.В. Пилюгина // Концепт. – 2013. – № 4. – С. 1–8.
7. Андерсон, П. Истоки постмодерна / П. Андерсон. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 208 с.
8. Уэст, Д.М. Континентальная философия. Введение. / Д, Уэст – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 448 с.
9. Ирхин, Ю.В. Социум и политика в постмодернистском Зазеркалье: взгляды, подходы, анализ / Ю.В Ирхин // Полития. – 2005. №4 – С. 136-160.
10. Бурсевич, В.В. Взаимодействия идеологии и языка как проблема дискурс-анализа / В.В. Бурсевич // Вестник БГУ. – 2010. – № 3. – С. 40-44.
11. Томин, Л.В. Современные политические конфликты: постструктуралистский анализ / Л.В Томин. – М.: СПбГУП, 2014. – 167 с.

12. Алексеева, Т.А. Современные политические теории. Опыт Запада / Т.А Алексеев. - М.: РОССПЭН, 2000. – 479 с.
13. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар – М.: Институт экспериментальной социологии, 1998. – 160 с.
14. Шубрт, И. Никлас Луман: Проблема коммуникации в рамках функционально-дифференцированного общества / И. Шубрт // Социологические исследования. – 2013. – №1. – С. 7-18.
15. Ачкасов, В.А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе / В.А. Ачкасов, С.М. Елисеев, С.А. Ланцов. – М.: Аспект пресс, 1996. – 126 с.
16. Ирхин, Ю.В. «Потенциал постструктуралистских идей и дискурсов для политического анализа» Политическая экспертиза / Ю.В. Ирхин // ПОЛИТЭКС. – 2011. – №7. – С. 17-38.
17. Калимуллина, Н.Р. «Особенности определения феномена власти в традиции философии постмодернизма» / Н.Р. Калимуллина // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – №338. – С. 39-42.
18. Сиушкин, А.Е. Анализ власти в политической теории постмодерна // А.Е. Сиушкин // Наука. Общество. Государство. – 2014. – №2. – С. 19-25.
19. Русаков, С.С. «Трехуровневая концепция политической власти М. Фуко» / С.С. Русаков // Южно-российский журнал социальных наук. – 2016. – №1. – С. 114-126.
20. Фуко, М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. / М. Фуко - СПб.: Наука, 2011. – 517 с.
21. Дин, М. Правительность. Власть и правление в современных обществах / М. Дин – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 345 с.
22. Мартьянов, В.С. Метаязык политической науки / В.С. Мартьянов – Екб.: Институт философии и права УрО РАН, 2003. – 236 с.
23. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бадрийяр – Екб.: Изд-во Урал, ун-та, 2000.– 96 с.
24. Вахрушева, Е.А. (2015). Постмодернистский неомарксизм Фредрика Джеймисона / Е.А. Вахрушева // Антиномии. – 2015. – №2. – С. 89-98.
25. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн – СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. – 416 с.
26. Лукаревская, Е.В. Идеология "конца идеологии" С.М. Липсета / Е.В. Лукаревская // Политика и общество. – 2018. – №5. – С. 1-10.
27. Малинова, О.Ю. «Конец идеологии» и проблемы исследования нормативно-символического пространства современной политики [Электронный ресурс] / О.Ю. Малинова // Российская Ассоциация

Политической Науки. – Режим доступа: <https://www.rapn.ru/library.php?d=345&n=35&p=8>. – Дата доступа: 04.04.2023.

28. Смирнов, Д.Г. Символическая политика: Методологически и теоретические аспекты / Д.Г. Смирнов // Политика идентичности : сб. ст. / Центр социальных научно-информационных исследований ; сост. : О.Ю. Малинова. Спб., 2017 – 356 с.

29. Поцелуев, С.П. «Символическая политика»: к истории концепта / С.П. Поцелуев // Символическая политика. – 2012. – № 1. – С. 17-53.

30. Ефремова, В.Н. О некоторых теоретических особенностях исследования символической политики / В.Н. Ефремова // Символическая политика, 2015. – №3. – С. 50-65.

31. Edelman, M. The symbolic uses of politics / M. Edelman – 5. – Urbana etc.: Univ. of Illinois press, 1972. – 201 p.

32. Ишменев, Е.В. Опыт изучения концепта «Символической политики»: основные традиции и перспективы / Е.В. Ишменев // Социум и власть, 2011. - №2. – С. 37-41.

33. Гигаури, Д.И. Политический миф и ритуал в структуре символической политики. : дис. канд. полит. наук : 07.00.13 / Д.И. Гиаурин. – Спб., 2016 – 167 с.

34. Решетников, С.В. Дескриптивные разновидности функционального анализа / С.В. Решетников, Т.С. Решетникова // Вучонья запискі Брэсцкага ДУ імя А.С. Пушкіна – 2011. – № 7. – С. 9-13.

35. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

36. Бурдьё, П. Формы капитала / П. Бурдьё // Экон. социология. – 2002. – № 5. – С. 60–74.

37. Малинова, О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О.Ю. Малинова – М.: Политическая энциклопедия, 2015. –207 с.

38. Дебор, Г.-Э. Общество спектакля / Г.-Э. Дебор – М.: Издательство «Логос», 1999. – 224 с.

39. Тазетдинова, Р.Р. «Политическая театральность как способ инсценирования политических представлений» / Р.Р. Тазетдинова // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств, 2016. – №4. – С. 115-119.

40. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман – М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. – 456 с.

41. Никитин, А.Н. Концепция божественного происхождения и права древнего востока как предмет научного анализа / А.Н. Никитин // Вестник Национального института бизнеса, 2018. – №32. – С. 159.

42. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. – 288 с.
43. Барт, Р. Миф сегодня / Р. Барт – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 72-130.
44. Мусихин, Г.И. «Блеск и нищета» политических ритуалов / Г.И. Мусихин // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2015. – №77. – С. 98-109.
45. Семенов, И.С. Политика идентичности: Меняющаяся повестка дня / И.С. Семенов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК, 2017. – №5. – С. 34-45.
46. Тульчинский, Г.Н. Идентичность как проект: Условия политического позиционирования личности / Г.Н. Тульчинский // Политика идентичности : сб. ст. / Центр социальных научно-информационных исследований ; сост. : О.Ю. Малинова. Спб., 2017 – 356 с.
47. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2001. – 288 с.
48. Смит, Д.Э. Мифы и память нации / Д.Э. Смит // Символическая политика. – 2015. – №3. – С. 155-170.
49. Сафронова, Ю.А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие / Ю.А. Сафронова // Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. ст. / Институт научной информации по общественным наукам РАН ; сост. : А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. – Спб., 2018. – 224 с.
50. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – С. 17-50.
51. Гигин об исторической памяти: она консолидирует нацию и формирует идеологию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/gigin-ob-istoricheskoy-pamjati-ona-konsolidiruet-natsiju-i-formiruet-ideologiju-512903-2022/>. – Дата доступа: 01.05.2023.
52. Малинова, О.Ю. Введение. Символическая политика и политика памяти / О.Ю. Малинова, А. И. Миллер // Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. ст. / Институт научной информации по общественным наукам РАН ; сост. : А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. – Спб., 2018. – С. 224.
53. Давиденко, А.А. Понятие «Войны памяти» в современных исследованиях коллективной памяти / А.А. Давиденко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2022. – №3. – С. 85-95.
54. Токарева, Е.А. 2021 Современные войны памяти, или подход к интерпретации исторических событий в истории, политике и образовании / Е.А. Токарева // Преподаватель XXI век. – 2021. – №3. – С. 288-300.

55. История – это мы. [Интервью, выступления, публикации] // Официальный сайт Палаты Представителей Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.house.gov.by/ru/interview-ru/view/istorija-eto-my-7972/>. – Дата доступа: 08.04.2023.

56. Васютин, Ю.С. Историческая память: институционализация в общественном сознании и в государственной политике / Ю.С. Васютин, Е.С. Панова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – №3. – С. 104-112.

57. Макаренко, И.М. Беларусь в контексте пост-постмодерна: актуализация традиционных ценностей / И.М. Макаренко // Искусство и культура. – 2014. – №2. – С. 84-88.

58. Бикетова, Е.А. Политика памяти в Беларуси: особенности национального дискурса [Электронный ресурс] / Е.А. Бикетова // Алтайская школа политических исследований. – 2020. – 5 апр. – Режим доступа: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=17980>. – Дата доступа: 04.05.2023.

59. Государственные герб и флаг — национальные святыни, которые объединяют народ [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/simvol-y-patriotizma-razvitiya-i-dukhovnoy-chistoty.html>. – Дата доступа: 05.04.2023.

60. Гигин: Национальный белорусский флаг вобрал в себя широкий пласт истории [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/energetika-pobedy.html>. Дата доступа: 26.03.2023.

61. Данные соцопроса: госсимволика – главный национальный символ Беларуси [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/dannye-sotsoprosa-gossimvolika-glavnyj-natsionalnyj-simvol-belarusi-566208-2023/>. – Дата доступа: 27.04.2023.

62. О государственных символах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 июля 2004г. № 301-3 : с изм. и доп. от 7 февраля 2023 г. № 248-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p2=2/1050>. – Дата доступа: 12.04.2023.

63. О государственных праздниках, праздничных днях и памятных датах в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 марта 1998 г. № 157 : с изм. и доп. от 12 апреля 2023 г. № 105 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

64. «Исторический выбор Республики Беларусь» в БГУ [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. –

Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/lektsijaistoricheskij-vybor-respubliki-belarus-v-bgu-5819>. – Дата доступа: 04.11.2022.

65. Об объявлении 2022 года Годом исторической памяти [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 1 января 2022., №1 // Национальный правовой Интернет-портал – Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=P32200001>. – Дата доступа: 29.10.2022.

66. О Государственной программе «Увековечение памяти о погибших при защите Отечества» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета министров Республики Беларусь, 26 февраля 2021 г. № 117 // Национальный правовой Интернет-портал – Республики Беларусь – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100117>. – Дата доступа: 29.10.2022.

67. О Республиканском совете по исторической политике при Администрации Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] : распоряжение Президента Республики Беларусь № 22рп от 4 февраля 2022 г. // Президент Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/rasporyazhenie-no-22rp-ot-4-fevralya-2022-g>. – Дата доступа: 12.03.2023.

68. Послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию – главное [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/poslanie-prezidenta-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-glavnoe-481676-2022/>. Дата доступа: 23.03.2023.

69. Соцопрос: для большинства белорусов ВОВ - героический подвиг советского народа. [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/sotsopros-dlja-bolshinstva-belorusov-vov-geroicheskij-podvig-sovetskogo-naroda-565515-2023/>. Дата доступа: 12.05.2023.

70. Белявцева, Д.В. Политика памяти как актуальное направление государственной политики в условиях информационных войн / Д.В. Белявцева // Актуальные проблемы теории политики: мировое и национально-государственное измерения : материалы круглого стола каф. политологии Белорус. гос. ун-та, Минск, 31 марта 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н. А. Антанович (гл. ред.), С. В. Решетников, С. Г. Паречина. – Минск : БГУ, 2022. – С. 57-63.

71. Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/cd8c73fc80d4c704.html. – Дата доступа: 29.03.2023.

72. Гигин об исторической политике: упаси нас господь повторить негативный опыт соседей [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа:

<https://www.belta.by/society/view/gigin-ob-istoricheskoj-politike-upasi-nas-gospod-povtorit-negativnyj-opyt-sosedej-478329-2022/>. Дата доступа: 01.04.2023.

73. О Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 декабря 2021 г. № 773 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100773&p1=1>. – Дата доступа: 12.03.2023.

74. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575>. – Дата доступа: 28.03.2023.

75. Краско, Г. Г. Историческая память: прошлое для настоящего и будущего : монография / Г. Г. Краско, О. В. Богомаз. – Минск : Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2022. – 168 с.

76. Летняков, Д.Э. Режимы исторической памяти: от гегемонизма к агонизму / Д.Э. Летняков // Политика и общество. – 2022. – №1. – С. 45-53.